

ВЛАДИСЛАВ КОНЮШЕВСКИЙ

ВСЕ ЗАВИСИТ
ОТ НАС

Попытка возврата

Владислав Конюшевский

Все зависит от нас

«Лениздат»

2008

Конюшевский В. Н.

Все зависит от нас / В. Н. Конюшевский — «Лениздат»,
2008 — (Попытка возврата)

ISBN 978-5-9942-0196-1

Военные приключения Ильи Лисова продолжаются. Зная будущее, он все-таки смог так изменить ход Великой Отечественной войны, что не произошло ни харьковской катастрофы, ни потери Крыма, ни Сталинграда. Так что теперь, к концу 1943 года, Красная Армия вышла к границам СССР и с боями двигается дальше, на запад. Илья, как и миллионы советских солдат, воюет, но совершенно не подозревает, что в один прекрасный момент люди из НКВД опять зададут ему вопрос: «Лисов, а вы кто?» И на этот раз придется отвечать честно...

ISBN 978-5-9942-0196-1

© Конюшевский В. Н., 2008

© Лениздат, 2008

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	25
Глава 4	30
Глава 5	40
Глава 6	54
Глава 7	63
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Владислав Конюшевский

Все зависит от нас

Глава 1

– Ххек!

Бум!

– Уй!

Ноги Жеки, высоко взлетев в воздух, описали красивую дугу, и он всей своей массой смачно впечатался в зеленую траву. Да так и остался лежать, пытаясь отдышаться. Я не замедлил прокомментировать:

– Если вас ударят в глаз, вы невольно вскрикнете.

Раз ударят, два ударят, а потом привыкнете.

После этих слов тело на земле несколько ожило и, не поднимаясь, показало мне дрожащую и невыразительную дулю. Это, наверное, значит, что не желают оне привыкать... А куда же ты денешься, родной?

Евгений Козырев, окончив диверсионную школу под Астраханью, считал себя круче яиц и выше звезд, пока не попал к нам. Вообще-то он должен был войти в личный состав террор-групп Четвертого Украинского фронта, но не срослось – как раз во время проверки пополнения там оказался Гусев. Поглядев на стрельбу бывшего курсанта, Серега, невзирая на возражения генерала Ордынцева, без долгих слов забрал чудо-стрелка с собой. Генерал возмущенно бухтел вслед, но против людей из спецгруппы ставки он не плясал, так что уже к вечеру мы познакомились с новым снайпером нашего подразделения, который сразу заполучил себе позывной – «Змей». Потому что стрелял, как герой из книги Фенимора Купера. Но Чингачгук – это слишком длинно, а вот Большой Змей – в самый раз. Правда, сразу решили, что двуспальная кличка для салабона это чересчур жирно, поэтому убрали первое слово. Так Женька и стал просто Змеем. Но стрелял парень действительно классно, даже лучше меня. И в остальном был неплох, только вот с рукопашкой существовали некоторые напруги. Стандартная подготовка бойца терроргруппы это, конечно, хорошо, но нашему уровню она не соответствовала. Поэтому срочно занялись подтягиванием новенького. Все понемногу. Сегодня, например, его дрессировал Марат, я же, валяясь возле дерева, наблюдал и комментировал.

К плотным тренировкам новенького удалось приступить только сейчас, так как у нас наконец наступило время отдыха. Группа всего три дня назад вернулась из удачного поиска, поэтому кто-то до сих пор отсыпался и отъедался, а свободные от сна и обжорства гоняли молодого. Был бы выход неудачным, сейчас бы шли разборы и раздача плюх, но все прошло штатно. Скажу больше – такие рыбные рейды за передок редко встречаются! Помимо стандартного капитана-связиста, приволокли еще штабного майора, который рассказал очень интересные вещи. Оказывается, после летнего и продолжающегося осеннего наступления Красной Армии партайгеноссе Адольф впал в полную невменяемость. Правда, было с чего – фронт двигался очень резво и совсем не так, как это происходило в моем времени. К 10 сентября 1943 года мы уже освободили Нарву и Псков на севере, Радомышль в центре и Николаев на юге. Сейчас Прибалтийский фронт активно рубится в районе Витебска, а наш нацеливается на Одессу. Так что тревога господина Шикльгрубера вполне обоснована. Причем эта тревога приобрела такие размеры, что он решил – хватит Роммелю в Африках загорать, когда фатерлянд в опасности! И теперь «Лис пустыни» лично прибыл на Восточный фронт, дабы исправить положение.

Прибыл он, естественно, не один, а со всеми чадами, домочадцами и службой тыла. Так что скоро, наверное, придется лицезреть «Тигры» веселенькой желтовато-коричневой окраски.

Вообще, фрицы к середине войны подрастратили многое из своего легендарного аккуратизма, и теперь новые танки вполне могут не успеть перекрасить. Особенно после того, как 1-й и 2-й Белорусские фронты под Минском основательно пощупали немчуру за теплый волосатый сосок. Так что теперь у африканских героев не останется времени заниматься тюнингом техники, а сразу с колес их сунут в бой. Ну что ж, бывшие «львы пустыни» своей странноватой для наших мест расцветкой будут очень хорошо выделяться на общем фоне остальных войск. Заодно и поглядим, чему они там, в теплых странах научились. Мне кажется, здесь их ждет крайне неприятный сюрприз – встреча с бронированным танковым кулаком Красной Армии, это вам не англичан вокруг барханов гонять.

Кстати, при говорливом майоре был объемистый портфель с таким содержимым, ознакомившись с которым командир нашей спецгруппы, полковник Колычев еще позавчера лично взялся сопровождать документы в Москву. Так что теперь, будучи оставленные без начальственного присмотра, мы откровенно балдели. Сначала просто отсыпались, а вот сейчас показывали друг другу силушку молодецкую.

* * *

Шум подъехавшей и остановившейся за нашей хатой машины заставил приподнять голову.

– Боец, где тут химики расположились?

Голос невидимого пока крикуна мне сразу не понравился из-за сквозящих в каждом слове барственно-начальственных ноток. Что ему ответили, не услышал, но, поднявшись, стал отряхиваться, потому что прибыл неизвестный по наши души. Блин! Под кого нас только не маскировали... И пехотинцами были, и летчиками, и саперами. Сейчас вот, уже недели три, с тех пор как прибыли в эту деревню – считались химиками. Хорошо еще фамилии в документах оставляли прежними, а то бы уже давно не только немцев запутали, но и запутались сами.

Из-за угла показался «ХБВ», он же ГАЗ-64, с гордо восседающим лейтенантом и двумя солдатами. Увидев нас, летеха, не торопясь, вылез из джипа. Мельком оглядев рассупоненных и тяжело дышащих пацанов, он обратился ко мне:

– Эй, капитан, мне нужен... – Тут он сверился с бумажкой. – Шарафутдинов Марат Ильдарович.

М-да, давненько меня «эй капитаном» не называли... Правда, сразу предьявы оборзевшему в корень летехе кидать не стал, уже сообразив, из какой конторы он к нам явился, а вежливо попросил:

– Вы, товарищ лейтенант, представьтесь, а потом поговорим.

Криво ухмыльнувшись, тот сунул мне под нос красную книжечку с надписью СМЕРШ. Хм, похоже, орелик из штаба армии – в штабе фронта ребята из этой же организации в основном знакомые, да и таких нахальных не встречалось. Наверняка – новенький из шестого отдела...

Теперь, видимо, по задумке контрика, мне надо сильно-сильно испугаться и, виляя хвостиком, быстренько доставить Марата в его белы ручки. А анкер в корму не хочешь?

– Товарищ лейтенант, покажите, пожалуйста, удостоверение в развернутом виде.

Особист аж задохнулся от возмущения. Правда, орать не стал, а ткнул раскрытой «корочкой» мне в лицо и тут же ее убрал. Нервный какой. А ведь я ничего сногшибательного от него не требую. Этот козлик, наверное, из той части свежего пополнения, которое подобрали с тылов для усиления армейской контрразведки. Они понадобились, потому что, ввиду приближения фронтов к старой границе, ожидается резкое возрастание разного толка национали-

стических элементов в тылах наступающей армии. Да и вражеских разведчиков всех мастей тоже хватает, так что все старички будут заняты оперативной работой. А новеньких, тех что потупее, пока использовали по принципу – подай то, принеси это и пошел на фиг. Вот как этого лейтенанта, который, до сих пор живя гражданскими понятиями, еще не уловил разницу между человеком у станка и человеком с ружьем. Но это ничего, такие быстро обламываются...

– Товарищ лейтенант, давайте проедем во-о-он к тому дому.

– Что, Шарафутдинов там?

– Там, там. – Я кивнул. – Все там.

Подмигнув мужикам, запрыгнул в машину, и мы покатали к хате, где располагались наши связисты. А самое главное, там был сейф, в котором хранилась моя мощная бумага порученца. Сейчас ее возьму и начну строить этого щегла. Можно, конечно, обойтись и без корочек, но это чревато травмами различной степени тяжести для приехавших контриков. Добром они не успокоятся, а я уже догадываюсь, почему они Марата ищут.

Еще неделю назад он письмо получил из дому. По очень туманным намекам понял, что его дядю, работающего в КБ на заводе, загребли. Вот теперь гэбисты и обрабатывают родственников. А мне на фиг не надо такого подрывника терять, да и вообще... Этот парень мне давно как родной стал, так что хрен его чекистам отдам. Пусть хоть до Берии дело доводят. Тем более что сам Лучший Друг Советских Шахтеров в свое время сказал, мол, сын за отца не отвечает.

Вообще, усатый вождь стал потихоньку утомлять. Вроде вменяемый мужик, но ему очередной раз моча в голову вместе с горшком влетела. Говорят, снова потихоньку пошли аресты отпущенных было умельцев. Правда, их сажали не в лагеря, а в специально создаваемые «шарашки». Причем, блин, сажали за невесторженный образ мыслей. Дескать, ругают советскую власть. А чего им ее хвалить? Вместо того чтобы знания по специальности совершенствовать, они лес в тайге валили. Как жареным запахло, их поотпускали. Причем как будто так и надо – посадили с дикими обвинениями, потом отпустили со странными оправданиями. Теперь вот на фронтах выровнялось и опять, что ли, стали народ гнобить? Тоталитаризм, с одной стороны, хорошо, но вот с другой – смотря какой диктатор во главе государства окажется. У Виссарионыча, например, на старости лет различные мании и фобии, похоже, вконец разбушевались...

* * *

Под эти мысли подъехали к расположению связистов. На крыльце стоял Гусев, важный, расслабленный и довольный жизнью. Ночью он отделился от коллектива и предавался развратным действиям с певичками из бригады фронтовой самодеятельности, поэтому сейчас был похож на утомленного мартовского кота. Щурясь на солнце, он лениво лузгал семечки и только вопросительно поднял бровь, увидев меня в столь странной компании.

– Здравия желаю, товарищ майор!

Сергея так удивился официальному обращению, что подавился семечком и закашлялся. Прокашлявшись, возмущенно спросил:

– Ты чего тут под руку орешь?

– Да я не ору. Просто вот смежники пожаловали. Шарафа арестовать хотят. Так что давай в хату – разбираться будем.

Лейтенант во время разговора стоял, недоуменно крутя головой. Видно, слова о смежниках, заставили его слегка напрячься. Я тронул СМЕРШевца за рукав и, показав на дверь, предложил:

– Ну что военный, пойдем, поговорим.

Сержант и рядовой, приехавшие с наглым контрразведчиком, сунулись было следом, но их тормознул Покатилов, который занимался охраной наших «маркони»:

– Так, бойцы. Вы – на месте. Ничего с вашим командиром не делается.

Спорить с ним те не рискнули. Видно, тоже почувяли необычность ситуации. Летеха только головой дернул, но права качать не стал и вошел в дом.

Вышел он мокрый и взъерошенный. Сначала я показал ему свою ксиву и поставил раком, то есть по стойке смирно. Потом мы связались с генералом Левиным, начальником контрразведки фронта. Он был один из немногих, кто знал, чем наша группа занимается. Обрисовали положение. Генерал, оказывается, был не в курсе того, что его подчиненные в нашу сторону такую бочку покатали, хотя с его стороны это косяк сильнейший. Ведь именно Левин должен был прикрывать и курировать нашу группу со стороны СМЕРШ. Предчувствуя неминуемое вставление кола от земли до неба, генерал молниеносно провел расследование и уже через двадцать минут все выяснилось. Оказывается, имела место случайная, хотя, как выразился перенервничавший главный контрразведчик фронта – «преступная» накладка. Просто не в меру ретивый цирик из штаба армии, получив бумагу на Марата и не обратив внимания на спецпометку в личном деле, решил сделать превентивный арест. Так сказать, для подстраховки. Вот и заслал своего подручного брать Шарафа, как будто тот, блин, всю жизнь немецким шпионом проработал. Ретивому я теперь не позавидую и, чем для него все закончится, даже предположить не могу, а вот летехе за непочтительное отношение к старшим по званию просто дали по зубам и отпустили с богом. Правда для начала Гусев его запугал до мелкой тряски. Даже расписку взял о неразглашении. Контрик на гражданке, видно, совершенно не представлял, что в действующей армии с ним может приключиться такой конфуз, поэтому расписку написал без звука, да еще и благодарно поглядывая на нас. Ну правильно – сначала он послушал в трубке маты начальника следственного отдела СМЕРШ, а потом я предложил для сохранения военной тайны его самого превентивно арестовать и как следует расспросить, а не работает ли он на румынскую сигуранцу с целями ослабления особой группы ставки. Добавив, что для абвера лейтенант слишком тупой, а для румын – в самый раз такой агент будет. А после допроса, опять-таки во избежание распространения информации, изолировать контрразведчика на неопределенное время, тем более, такие полномочия у нас были. Так что лейтенант после прощального пинка пулей заскочил в свой ХБВ и унесся совершенно счастливый, что так легко отделался. Мы с Серегой переглянулись, наблюдая за суетливым бегством представителя карательных органов и заржали.

– Наградил же Бог фамилией!

Гусев даже прослезился от смеха.

– Задрыгайчик... Воистину задрыга и скачет зайцем.

А до меня дошло нежелание незваного гостя демонстрировать мне свое удостоверение в раскрытом виде. Этот хмырь собственной фамилии стесняется. Ну так поменял бы ее, что ли. Хотя с другой стороны, я вспомнил, как купец Желтобрюхов с похожей проблемой к одному нашему царю обратился. Тоже хотел поменять фамилию. Ну и стал не Желтобрюховым, как был, а с легкой царской руки – Синибрюховым. Лейтенант, видно, решил в данном вопросе судьбу не испытывать...

Хотя смех смехом, но вот симптом тревожный. Причем лично для меня. Одно дело слышать, что где-то кого-то замели, и совсем другое, когда вот так, ни за что – пытаются забрать твоего кореша. Тем более, не зря говорят – чем выше взлетишь, тем больше падать. У меня же взлет – круче некуда. Очень мало кто может похвастать, что с Верховным чаи гонял. Значит, как только надобность в пророчествах отпадет, то ждет товарища Лисова в лучшем случае дорога дальняя, казенный дом. Причем это в самом лучшем случае. А вернее всего, шлепнут во внутренней тюрьме во избежание, так сказать, распространения информации. Виссарионич сантиментами не страдает, да и добра, как я уже успел увидеть, не помнит. У него все направ-

лено на достижение цели. Жить после таких правителей хорошо – страна, получившая мощный пинок, находится на подъеме, но вот жить во время их правления как-то страшновато.

А ведь поначалу он мне сильно понравился. Прямо в натуре – отец народов. И к аргументам прислушивался. Ведь дал приказ отпустить практически всех политических, необходимых для восстановления обороноспособности государства. Так что же он – по новой начал? Базара нет, именно Сталин вытянул СССР из той жопы, куда его столкнула война, но она уже движется к завершению. Даже сами немцы, после того как перемололи их лучшие танковые части под Масловкой, уже не верили в победу. Так что до конца войны осталось гораздо меньше чем полтора года. Если все такими темпами пойдет, то к концу лета сорок четвертого фрицев добьем. А дальше что? Я про те времена толком не знаю, но краем уха слышал, что после войны опять активные чистки начались. Это наверное, чтобы людей, своими глазами видевших изобилие Европы, слегка охладить и свое место указать. Выходит, уже пора думать, как бы самому под раздачу не попасть. Хотя сейчас я еще в фаворе. Последняя встреча с Верховным хоть и прошла скомканно, но кое-какую информацию к размышлению я ему все-таки подкинул. Так что в ближайший год, надеюсь, брать за цугундер меня не будут.

– Ты чего загрустил вдруг?

Тычок в плечо отвлек от невеселых мыслей.

– Да понимаешь, Серега, что-то вот о будущем задумался.

– А что тут думать, немца победим, эх как заживем!

Майор изобразил довольную морду и причмокнул губами.

– В том-то и вопрос, как заживем... Марата-то за что повязать хотели?

Гусев, сыграв желваками, очень странно взглянул на меня, но уже через секунду, став прежним развеселым головорезом, с улыбкой ответил:

– Но ведь не повязали? Так что, друг мой лепший, не журишь, я сказал – заживем, значит, заживем!

Тут дальние разрывы отвлекли нас от этого довольно странного, на мой взгляд, разговора. Интересно – что Сергей хотел этими словами сказать? Но уточнить не получилось. Майор сделал вид, что полностью поглощен немецкими самолетами, пытающимися бомбить какую-то цель километрах в трех от нас. Я тоже стал разглядывать пикировщики, которым вообще-то было уже не до бомбежки. Последнее время вражеские самолеты мы вообще видели редко. Это им не сорок первый. Теперь с «мессерами» и «фоккерами» на равных дрались «ЯК-3» и «Ла-7». Да и наземное зенитное прикрытие было на высоте. Так что самолеты люфтваффе спускали на землю быстрее, чем их успевали производить. Ну и конечно же – с горючим в Германии была огромная напряженка. Вот и сейчас из звена «юнкерсов», пытающихся чинно отбомбиться по русским, одного уже завалили с земли, а наперехват удиравших во все лопатки остальных с севера заходило несколько маленьких точек, которые наверняка были нашими истребителями.

Тут дверь открылась и на крыльце появился Мишка Северов.

– О, Илья, ты здесь! А я тебя искать уже собрался. Там шифровка пришла. Видно, опять в столицу вызывают... Пойдем, распишешься.

Расписавшись и прочтя послание, я удивился. Блин! Действительно, вспомни черта... Прозорливый Мишка оказался прав – надо лететь в Москву. Связавшись с транспортниками и выяснив, когда идет ближайший попутный борт, я поплелся в каптерку переодеться. В полевой х/б хождение по первопрестольной, конечно, не возбраняется, но вид не тот. Поэтому, напялив свой китель с подполковничьими погонами и фуражку, я глянул на себя в большое зеркало от трюмо, которое где-то умыкнул домовитый каптерщик. М-да, непривычно... Хотя, конечно, вид стал гораздо солиднее. Такому важному дяде Змей бы уже поостерегся дули крутить. Даже морда стала как будто шире из-за высокого воротника, подпершего подбородок, и во взгляде появилась начальственная искра. Хотя какая в дупу начальствен-

ная? Люди с таким званием как минимум полками командуют, за тысячи жизней отвечают. А я его получил после переаттестации из гэбэшных званий в армейские и до сих пор себя так и ощущал – максимум капитаном. А уж чтобы за тысячи людей отвечать – увольте. Только за свою разведгруппу. Ну да – каждому свое, поэтому, накинув на плечи плащ-палатку, чтобы не нарушать режима секретности, двинул на выход. Там уже стояли наши мужики, и, прежде чем запрыгнуть в «виллис», я принял заказы на подарки. В основном народ требовал папирос фабрики Урицкого, целлулоидных подворотничков для форса, заводских вставок под погоны ну и прочего по мелочи.

– Вы мне, блин, еще список дайте! Как там?

Двум невесткам по ковру,
зятю заячью нору,
а сестре плевать чего,
но чтоб красиво!

Ребята эту песню уже слышали, потому рассмеялись, и, похлопав друзей на прощание по плечам, я наконец покатил к летчикам. Правда, когда прибыл на аэродром, выяснилось, что торопился зря. Часа три проторчали, ожидая двух генералов из штаба армии. В общем, когда прилетели в Москву, был уже глубокий вечер. И хрен мне дали очухаться с дороги, удавы траншейные! Сразу пригласили в машину и покатали в известном, до оскомины, направлении. Так что уже через сорок минут, поправив фуражку, сделал три строевых шага и, вскинув руку к виску, сказал:

– Здравия желаю, товарищ Сталин!

– А, товарищ Лисов! Проходите, Илья Иванович, садитесь.

Верховный был подозрительно доволен и весел. Он, что, рассчитывает на очередной прогноз? А хи-хи не хо-хо? Нечем мне тебя обрадовать.... Но, похоже, он и не ждал, что сейчас начну пророчествовать. Наоборот, только я сел, сам стал говорить:

– Вы помните, когда в январе сорок второго у товарища Берии отмечали на карте возможное нахождение различных месторождений?

Ну еще бы не помнить. Два дня тогда просидел, вспоминая все МПИ¹, которые были известны. Не зря же на геофизика учился, кое-что в голове осталось. Что-то указывал приблизительно, что-то на мелкомасштабных картах достаточно точно. Особенно помню, тогда все удивились тому, что на территории СССР алмазы должны быть. Даже поругался со специально приглашенными для консультации геологами, доказывавшими, будто они все уже еще в конце тридцатых прошерстили и ни фи́га не нашли. Точного же местонахождения кимберлитовых трубок я не помнил. В памяти крутилось только название реки, то ли Льяха, то ли Дьяхта. А там этих рек столько.... В общем, погавкавшись с поисковиками, карты сдал и со временем об этом не то что забыл, но как-то все ушло на второй план. Тем более что нефтяные, бокситовые и урановые месторождения указал достаточно верно. Проводи съемку, оценивай да и закладывай предприятия.

Так что на вопрос Сталина ответил утвердительно. Тот раздул усы в улыбке и выложил передо мной плоскую деревянную коробку.

– Посмотрите, что внутри.

Откинув крючочки, раскрыл футляр. Там, на черном бархате лежали штук шесть образцов алмазов и два бриллианта. Причем все были здоровенными. В каратах не скажу, я все-таки не ювелир, но на глаз, как ноготь большого пальца алмазы и чуть меньше бриллианты.

– Нашли все-таки?!

¹ Месторождения полезных ископаемых.

– Да, Илья Иванович, нашли. И не только это. Так что есть мнение – за выдающуюся помощь нашим советским геологам внести вас в список лауреатов Сталинской премии.

Нихренаськи себе! Это же сто штук! А если усатый говорит: «Есть мнение» – значит, он уже все решил. Только вот где я такие суммы тратить буду? Тут обычного денежного довольствия скопилось за это время столько, что самолет купить могу. Ну да от бабок никто еще не отказывался, поэтому ответил сообразно ситуации:

– Служу Советскому Союзу!

Потом Верховный начал трендеть о том, что эти цацки вовсе не украшения, а алюминий для наших самолетов, новая броня для танков и продовольствие для страны.

В общем, двинул целую речь. Между делом поинтересовался, не хочу ли еще чем-нибудь его порадовать из своих предсказаний? Говорить было нечего, так я и ответил. Сталин сожалеюще покачал головой и наконец отпустил дальше тащить службу, добавив, что о дате вручения премии известят дополнительно. После этого молчаливый водитель отвез меня домой.

Там была бурная встреча с Селивановым. Он решил пойти по стопам своего отца и уже доучивался в институте. Тем более на фронт с третьего курса уходил, так что восстановился и продолжает грызть гранит науки. На костылях Игорь передвигался очень шустро, не то что в прошлый раз, и помимо учебы подрабатывал в какой-то конторе учетчиком. Только вот худой стал. Ну да – на карточки не сильно разожрешься. Поэтому, отделив денег на заказы мужиков, остальные незаметно сунул ему в карман шинели. С утра с совершенно квадратной после вчерашнего головой проскочил по магазинам. По пути полюбовался на девушек не в форме, а в платьицах, и после обеда уже дремал, привалившись к квадратному иллюминатору «Дугласа».

А еще через неделю бодрый и подозрительно деятельный Колычев, вызвав к себе, поставил какую-то нереальную задачу. Начал издавелека, поинтересовавшись тем, что мне известно про Измаил. А я знаю только, что его Суворов с чудо-богатырями брал... Ну и что его румыны сейчас в хороший укрепрайон превратили. На этом знакомство с сим населенным пунктом заканчивается. Отвечал я очень односложно, надеясь – авось пронесет, так как сразу представил себе местонахождение города на карте и его удаленность от линии фронта. А самое главное, зная, как именно там расположились мамалыжники, пребывал в недоумении – неужели командир нас в окрестности этой старинной крепости забросить хочет? Что сейчас можно в районе Измаила разведывать, совершенно непонятно. «Глубинники» из разведуправления достаточно хорошо все разнюхали, а к подходу линии фронта там все может десять раз поменяться... В конце концов, все эти мысли и вывалил командиру.

Иван Петрович только головой покачал, поняв, что именно меня напрягает, и поэтому начал говорить более конкретно, без подходов издавелека. Оказывается, мы понадобились, чтобы вытащить агентурного разведчика с очень ценными сведениями. Он умудрился добыть часть схем новейшей модификации «МЕ-262». А самое главное, у него были доработанные чертежи двигателя. У наших, например, никак нормальный мотор сделать не получается... Я еще год назад рисовал силуэты 262-го и 163-го «мессера», известные мне по компьютерной игрушке. Даже наш «МиГ» нарисовал, тот, который с большой дырой в фюзеляже спереди. Конструкторы идею мусолили, но все упиралось в движки. А тут такой подарок от фрицев! Правда, подарок оказался с изъяном. То есть чертежи, может, и хороши, но их еще доставить надо. Вся заминка в том, что на хвост нашему разведчику упало гестапо и он начал сваливать. Его связник передал только то, что агент будет сидеть в Измаиле, и указание, как с ним связаться. После чего все донесения прекратились. Так что сейчас вообще ничего не известно. Может, его там и не будет, но упускать такой шанс нельзя.

– Товарищ полковник, а чего «тихоню» вообще в Измаил понесло? Аж с Чехословакии? Другого места выхода не нашел? До того же Тернополя гораздо ближе...

– Он там до войны жил, поэтому город хорошо знает. А по цепочке уходить было нельзя. Гестапо именно по ней на него вышло. Так что обрубил все хвосты и ушел сам.

– Ну и послать туда людей из терроргрупп. Они ребята шустрые, его вмиг вытащат.

– А вы что – вялые? И вообще отставить пререкания, товарищ подполковник!

– Капитан...

– Что?

Колычев недоуменно уставился на меня.

– Иван Петрович вы же сами вводили режим секретности. А исходя из него – я капитан. Или он уже отменен? Тогда виноват, товарищ комиссар государственной безопасности третьего ранга!

– Кхм... Ты, Илья, меня не лови. И так голова кругом идет. Думаешь, я не понимаю, на что тебя посылаю? Но задание надо выполнить кровью из носу. А другим поручить не могу, элементарно потому что оно трудновыполнимое. Только людей положим, ведь у них подготовка совершенно другая. Не в лесах, в городе надо будет действовать. А ты у нас везунчик.

– Ага, поэтому в каждой бочке затычка. Как что по-дерьмовей, так Лисова вперед запускают. Это вообще ГРУ дело, вот пусть они у себя везунчиков ищут...

Последнюю фразу я пробурчал себе под нос, но командир услышал и вспыллил:

– А вы тут по бабам в это время бегать будете? Одно дело делаем. Но если вы, товарищ Лисов, отказываетесь, то можешь идти на хер! Что смотришь? Иди, иди. И Пучкова ко мне вызови. Ему буду задачу ставить...

М-да... как-то странно у нас разговор пошел. У меня с утра голова болит, поэтому бурчу, а Колычев-то – чего ярится? Кто его так накрутить успел? Но ситуацию надо вырывать, поэтому, поправив пилотку, сказал:

– Виноват, тащ полковник. Готов к выполнению задания!

Тот, видно, тоже почувствовал себя неудобно, поэтому, махнув рукой, предложил:

– Ладно, доставай свои столичные и продолжим...

Выложив пачку «Герцеговины Флор», присел на стул и стал внимательно слушать...

* * *

В общем, для выполнения задачи мне дали зеленый свет со всех сторон. Нас и раньше не зажимали, но в этот раз все решалось вообще моментом. Без звука сняли с подготовки своего задания «невидимок» Клима. На них пал выбор, потому что ребята у него были достаточно обросшие и лучше всех подходили для изображения из себя полицаев. У некоторых даже шикарные чубы присутствовали, и пока ретивые медики в целях борьбы с бекарасами еще не успели обрить всех «под Котовского», я этих бойцов урвал себе.

На всех нашли форму и гражданку, именно какую затребовал. А она не абы какая подходила. Решил, основная группа будет косить под фартовых. Небольшую такую бандочку, которая отходит на запад вместе с фронтом. Дали двух проводников, достаточно хорошо знающих Измаил и окрестности. Причем, как я и заказывал – женского полу и посимпатичней. Парочка, передвигающаяся в городе под ручку, вызывает гораздо меньше подозрений, чем толпа угрюмых мужиков. Всем выдали железобетонные аусвайсы. Настоящие, немецкие, а не подделку наших умельцев. А самое главное, скорость, с которой все было проделано! Чуть больше суток прошло, а группа была уже полностью готова. Когда выходили к машине, Гусев подошел к нам и, ткнув меня кулаком в грудь, сказал:

– Удачи, мужики.

После чего круто развернулся и зашел в хату. Обиделся, наверное, что Пучков идет, а он нет. Но насчет него Колычев попросил, чтобы я Сергею не соблазнял. Он ему здесь нужен будет.

Через полчаса были на аэродроме, а еще через час над дверью загорелась зеленая лампочка, и один за другим мы вывалились в черную, непроглядную тьму.

Глава 2

– Точу ножи, ножницы! Кому точить ножи, ножницы!

Визгливые крики самозатачивающегося коробейника уже достали. Народ на барахолке тихонько торговался, не нарушая приличий, только этот станочник вопит как резаный, как будто он один заработать хочет. Мы со Светулей чинно двигались по периметру площади, на которой был этот блошинный рынок. Я весь из себя, в начищенных сапогах гармошкой, необъятных штанах и модной кепочке, куртуазно сплевывал шелуху от семечек и иногда что-то говорил на ухо своей спутнице, отчего та жеманно хихикала. Да и Светочка не подкачала. Гордо несла себя через толпу, брезгливо обходя конские кругляши, попутно стреляя покрашенными глазками налево, направо. Так что пока замечательно вписываемся в пейзаж.

Одна загвоздка. Возле стены, на которой наклеены десятки объявлений, намертво расположились четверо полицейских и уходить вовсе не собирались. А нам как раз к этой стеночке надо. Где-то среди этой кучи бумажек прячется то, что нам необходимо. Объявление о продаже скрипки без смычка. Тот адресок, что в нем написан, и будет местом, где наш «Штирлиц» сейчас прячется. Правда, позывной у него не «Алекс», как у легендарного Тихонова, а – «Вилли». Когда он когти рвал, то еще не знал, где именно в городе остановится, поэтому такие сложности с адресом и возникли. А эти долбаные полицейские торчат возле объявлений, как хрен среди пустыни, уже больше часа. Нам тоже тут долго маячить – резона нет. И так третий круг наматываем. От семечек язык щиплет. Да еще я бдительность потерял и в лошадиное дерьмо своим начищенным сапогом влетел. Конфуз вышел перед дамой...

Но ведь только подойдем к стенке, эти хмыри от нечего делать – обязательно привяжутся. Документы у нас, конечно, хорошие, только эта полиция сильно современных ментов напоминает, которые и к столбу доколотаться могут. Почесав репу, решил слегка ускорить события. Поделился планом со Светиком. Та кивнула, залиvisto рассмеялась и игриво шлепнула по плечу. Глаза у нее, правда, были холодные и совершенно серьезные. Ну вот и добре.

Дефилирующей походкой направились к четверке блюстителей порядка. Шагов за пять они заметили незваных гостей и прекратили разговор, удивленно уставившись на борзую парочку. Элегантным движением убрав с губы шелуху, я, приблатненно растягивая слова, начал разговор:

– Здоровеньки булы, хоспода полицейские!

Самый толстый и, видно, главный, смерив меня взглядом, соизволил ответить:

– Ну и ты не кашляй. Чо надо?

– А дозвольте поинтересоваться, вон в том кинотеатре что за фильму крутят? А то афишка висит, а я по-германьски не разумею. Вы, сразу видно, чоловики культурные, моет подскажите?

Полицейские посмотрели в сторону кинотеатра, потом на меня и дружно заржали.

Я сделал вид, что обиделся:

– Ну и шо тут, в моей фигуре, вы нашли смешного?

– Да ты, паря, лапоть. Там же ясно написано – нур фюр дойче. Тильки для нимцев. Так шо ничо у тя не выйдет.

– Тю! Жалость какая. А я марушку свою хотел до фильму сводить. Она жуть как про любовь любит. Да и я тоже на Лили Марлену еще бы разок взглянул. М-м-м-м... Шикарная баба!

Я закатил глаза и тут же заполучил сумочкой по башке.

– Тьфу на тебя! Вертиховост! Вы на него посмотрите! Мало ему обычных девок, так он еще на киношную вздыхать задумал!

Светка была бесподобна. С непередаваемым южнорусским говором она призывала на мою голову различные кары небесные, попутно обвиняя во всех грехах. Четверо зрителей веселились вовсю. Да и со стороны народ начал подхихикивать. Сделав вид, что разозлился, грубо пихнул напарницу в сторону.

– Ты не лезь, когда мушшины говорят! Не нравится – вон в сторонке постой. – И уже обращаясь к полицаям, продолжил: – Так вот, я таких щикарьных женьщин не видал. Какие бедра! Какой бюст! Ну вы меня разумиете?

Те еще как понимали и быстро включились в обсуждение фееричных форм немецких актрис. Светлана тем временем, обиженно дуюсь, стояла носом в объявлении. Потом, достав платочек, начала им обмахиваться, лениво поглядывая по сторонам. Так, пора закругляться. Быстренько свернув разговор, попрощался с развеселыми предателями. Только когда уже уходил, толстый меня окликнул:

– Эй, паря! – И дождавшись, когда я повернусь, продолжил: –Смотри, мазурик, попадешься на воровстве, не посмотри, что ты такой душевный. Мигом в лагерь спроважу.

А глазами, сука, так и сверлит. Как будто несколько секунд назад и не хохотал.

– Та вы шо, господин начальник? Сеня Жук всегда был чист перед законом!

И, гордо подхватив напарницу под ручку, быстренько отвалил.

* * *

Ффух! Похоже, не зря мы под блатных косили. Да и дураков среди полицаяв уже мало встречается. Особенно когда они городские. Правда, сейчас какой-то уж чересчур умный попался. Но пока толстый нас заподозрил только в том, что на его территории воришка новый организовался. А урка, по умолчанию, никаких дел с партизанами или с подпольем иметь не будет, тем более что подполья в этой дыре нет. Так что с политической стороны – я совершенно чист. С уголовной же буду его интересовать, когда он меня на горячем прихватит. Поэтому и отпустил гастролера, даже документы не проверив, чтобы не вспугнуть раньше времени, все равно, мол, никуда не денется. От этих мыслей отвлек вопрос Светланы:

– Ты видел, как он на нас смотрел?

– Видел... тот еще волчара. Чуть дырку не провертел. Пялился, как будто опер.

– А он и есть опер. Я только этого кабана сразу не узнала – растолстел сильно. Но до войны он точно в милиции работал.

– Блин! Тебя он узнать не мог?

– Нет. Мы же не сталкивались раньше, да и я с той поры очень изменилась...

По-новому глянув на свою напарницу, спросил наугад:

– Школу перед войной закончила?

– За год до начала...

М-да... выходит, девчонке сейчас двадцать лет. А я ей не меньше двадцати пяти бы дал. Видно, тоже досталось хорошо... Только вот на местную она не очень походит. Слишком чисто по-русски чешет. Спросил ее и об этом. Напарница ответила, что в тридцать шестом их семья ушла из Измаила за кордон – в Одессу. А в сороковом опять вернулись. Понятненько... Значит, вместе с нашей армией, когда у Румынии город назад отобрали, они и пришли обратно. Правда, дальше уточнять не стал, опасаясь показаться чересчур любопытным. Щелчком выкинув назад окурок, оглянувшись, увидел Пучкова с Галкой, которые шли следом по другой стороне улицы. Леха, увидев мой взгляд, почесал бровь, давая понять, что от рынка за нами хвост не прилепился. Ну вот и славно.

– Далеко до адреса?

Света с тоской посмотрела вокруг и ответила:

– Нет. За поворотом будет разрушенный дом, а от него вниз по улице до конца.

Интересно, чего она так вздыхает? Хотя, в общем-то, понятно – в этом месте выросла, а теперь тут опять фрицы с румынами хозяйничают. Причем, когда предложил барышням навесить их родных, живущих здесь, обе отказались, сказав, что родители погибли. Ну я и не стал копать дальше – может, и вправду погибли, а может, у них легенда такая. Девахи-то – с военной разведки, а у них так же, как и у нас, кто есть кто – хрен разберешь. Скорее всего, она такая же Света, как и я Сеня. Но город знает хорошо. За поворотом действительно были обломки кирпичной четырехэтажки и улица начинала спуск к реке. Одна из стен дома сохранилась, и, проходя мимо нее, Светка как-то мимоходом сказала:

– В этом доме мы и жили...

Блин! Выходит, про родителей – не легенда. Я только руку ее сжал покрепче. А что тут еще можно сказать? Да и не знал, как эту, в сущности еще соплюху, которая и Крым и Рым прошла, утешить можно. Нет таких слов... А еще минут через пять она взглядом показала на деревянный трехэтажный дом. Квартира номер семь, судя по всему, на третьем этаже должна быть. Интересно, какое окошко? Правда, нам в общем-то без разницы. Сорок восемь утюгов и самовар – знак того, что явка провалена, ни на одном подоконнике не стояли. Хотя это я так неудачно пытаюсь шутить. На случай провала вообще никаких сигналов не предусматривалось. Наш агентурный сюда вообще на арапа сбежал, даже не зная, где остановиться. Так что какие уж тут сигналы... Не торопясь, прошли мимо дома. Подавив желание зайти в подъезд и постучаться в квартиру, спросил:

– Света, тут до ночи где-нибудь можно перекантоваться?

Та задумалась и ответила:

– Сейчас даже не могу сказать, кто из надежных товарищей в городе остался. Много времени прошло. А со временем люди сильно меняются. Вон как тот милиционер...

– А на природе?

Несколько секунд она задумчиво морщила лоб, а потом обрадованно воскликнула:

– Ой, действительно, можно в плавнях пересидеть. У нас там с детства место секретное было. И недалеко отсюда!

До секретного места действительно оказалось недалеко. Через двадцать минут мы уже вползали в уютную пещерку под обрывистым берегом, густо заросшим ивами.

– Да здесь хоромы!

С удовольствием оглядевшись при свете извлеченной из-под деревянного топчана свечки, только руки потер. Но почти сразу озаботился другим вопросом:

– Интересно, ваше секретное место пацаны местные не разнюхали?

Галка, мотнув головой, отвергла это предположение:

– Нас только пятеро про эту пещерку знали. Я, Света и еще трое мальчишек. Мы здесь, они на фронте. Да и свечку я сама прятала. Найди кто – ее бы на месте не было.

Ну вообще-то логично. Значит, можно спокойно отдыхать. Такую команду и отдал, добавив:

– Через три часа комендантский час начнется. А выдвигаться будем в час ночи. Вы, девочки, здесь посидите. Ждете нас до полтретьего. Не вернемся – уходите из пещерки и в каких-нибудь развалинах ждите окончания комендантского часа. Поутру идете на соединение с группой Клима. Ему доложите, что, дескать, спеклись ребята и сюда можно никого больше не засылать. Приказ ясен?

Все синхронно кивнули. А еще через десять минут, выставив Леху первым в охранение, завалились спать...

* * *

Хорошо, что здесь собак не держат. Хотя, может, раньше и держали, только вот фрицы, как упыри какие-то, все норовят гавкающего сторожа дома пристрелить. Жители при виде оккупантов обычно молчат в тряпочку, только псины до конца сопротивляются чужому нашествию. Вот и не осталось в подворьях «звонков». Поэтому до нужного адреса добрались в полной тишине и без приключений. Только один раз в палисаднике пересидели, пока румынский патруль не прошел мимо. Позже, нырнув в кусты возле сарая, начали оглядывать темные окна. Тихо, похоже – все спят. Или светомаскировка хорошая. Только вот где нужно нам оконце?

– Так Леха. Ну-ка, остороженько разнюхай, куда окна от седьмой квартиры могут выходить.

Пучков кивнул и проскочив вдоль стены, нырнул в подъезд. Через пару минут вернувшись, показал пальцем:

– Скорее всего, вон то, на торцевой стене и два сзади.

Понятненько... Может, это и глупо, но по-человечески подняться и просто постучать меня еще днем не тянуло. И предчувствий вроде никаких не было, а вот не хотелось и все. Наверное, во всем виновата масса фильмов про шпионов и подпольщиков, которые в детстве пересмотрел. Теперь прямо так и видел, что дверь открывается, а из квартиры в морду несколько стволов смотрит. Оказаться на месте Плейшнера совершенно не тянуло. Как там в анекдоте было – «Профессор седьмой раз выпадал из окна, а яд все не действовал»... Мда, тем более яда у меня не было, а картинно выбрасываться с третьего этажа в кусты – глупо. Максимум – ногу подвернешь. Может, конечно, и перемудрил, но вот решил зайти через окно. Тем более, по случаю теплой ночи оно гостеприимно раскрыто, а рядом, как по заказу, растет большой каштан. Приказав Лешке бдеть внизу, сам, скинув сапоги, начал взбираться наверх.

Найдя удобную горизонтальную ветку чуть выше оконного проема, удобно расположился на ней и наострил уши. Минут пять чутко вслушивался, и чем дольше ничего подозрительного не слышал, тем сильнее ругал себя за разыгравшуюся паранойю. Вот придурок! Не менжевался бы так, то еще днем, забрав Вилли, уже уходили бы с Климом и его ребятами к месту встречи самолета. А теперь вишу на дереве, как коала, и ночь нюхаю. Еще сверчки эти раскрипелись... Тряхнув головой, чтобы избавиться от общего умиротворения, навеянного запахами и тишиной, уже приготовился мягко спрыгнуть на подоконник, как, услышав посторонний звук, чуть не сверзился вниз.

Ядрен батон! А это еще что? С той стороны дома, возле входа в подъезд, мягко хлопнула дверь машины. Резко раздумав прыгать, я вцепился в свой насест покрепче. Откуда тут машина взялась?! Ведь буквально только что ничего не было! Да как тихо появилась... Видно, водила, заглушив мотор, катился вниз по улице накатом. Вот и получилось, что никто ничего не услышал. А еще через минуту в проеме появился человек и, посмотрев вниз, завесил окно одеялом, выполняющим роль светомаскировки. Биомать! Глянь он не вниз, а вверх, наверняка увидел бы мою глупую физиономию. Ведь не больше метра до него было.

Вытерев плечом капельку пота со щеки, соображал, как же быть дальше, попутно прислушиваясь к разговору в квартире. То, что говорили там по-немецки, даже не удивило. Судя по всему, приехавший был старшим, а засадники теперь отвечали на его вопросы. Причем теплая, видно, у них там компашка собралась – никаких званий я не услышал. Друг к другу только по именам обращались. Хотя конечно, без присутствующих русским подколок и общей душевности беседы. Давно заметил – фрицы, даже если они добрые знакомые, о работе разговаривают сухо и обстоятельно. Вот и сейчас разговор у них проходил в картонно-деловом ключе. Приехавший, которого один из встречавших назвал Генрихом, спрашивал – как прошел день. Ему отве-

чали, мол, тихо, спокойно – без шума и пыли. И в свою очередь задали вопрос, от которого я чуть не кувыркнулся повторно.

– Генрих, а что на площади? К объявлениям кто-нибудь подходил?

– Нет, Курт. Точильщик утверждает, что в основном только местные. Было также пятеро незнакомых, в разное время. За ними ушли филеры, но потом выяснилось, что это тоже пустышка. Да, еще уголовник там из новеньких терся, но ближе десяти метров не подходил. А с такого расстояния ничего бы он не разглядел.

– Уголовника тоже проверили?

– Нет, людей уже не было, но Крамаренко утверждает, что это точно ворюга. А у него – глаз наметан.

– Все равно – зря его не проверили.

– Курт, ты прекрасно знаешь, сколько у нас людей. Тем более что Крамаренко с этим субчиком разговаривал. Тот интересовался, какой фильм в офицерском кинотеатре идет. Да и по поведению на советского шпиона совершенно не похож. Обычная шантрапа.

– Если бы шпионы были похожи на шпионов, наша работа значительно бы упростилась.

– Ты как всегда прав. Но все равно, как бы там ни было, тот, кто должен забрать документы, мимо этой квартиры не пройдет.

Тут они, видно, закурили, потому что я услышал щелчки зажигалки, и на какое-то время повисло молчание. Потом Курт опять подал голос:

– А резидент не мог соврать?

– Ты же сам присутствовал на допросе. Он рассказал и то, что знал, и о чем давно забыл.

– Да действительно... жалко только, что Отто перестарался. Что там врачи насчет русского говорят?

– Ничего особо страшного. Как обычно отбитые почки, сломанные ребра, выбитые зубы. Дня через три можно будет продолжить. Главное, документы успели перехватить. А это уже – Железный крест. Да еще и за каждого, кто здесь появится – премия.

Фрицы негромко рассмеялись, а я сильно огорчился. Вот козлы! Похоже, наша миссия – напроць провалена и придется теперь уходить несолоно хлебавши. По всем статьям местные контрики обыграли. Хотя, правда, не по всем – нас-то поймать не удалось. Но насколько тут все схвачено! Подойди я сразу к этим объявлениям, имел бы сейчас, как Вилли, – отбитые почки и сломанные ребра. Да и Светку бы ломали не меньше... Представив, как неизвестный мне Отто мордует мою напарницу, только зубами скрипнул. Нет уж, ребята! Просто так мы не уйдем! В самой квартире, судя по репликам, народу было человека четыре, помимо старшего, поэтому тут шуметь не будем. А вот вашего Генриха за цугундер – однозначно тряхнем.

Дождавшись, когда ловцы человеков начали прощаться, скользнул вниз по дереву и, за секунду вбив ноги в сапоги, метнулся к сараю.

– Леха, тут жопа полная. В хате – засада. Вилли у них, документы тоже.

Пучков только кивнул и ответил:

– Я это понял, когда машина подъехала.

– За рулем кто есть?

– Сейчас только водила – я уже глянул.

– Совсем хорошо. Значит, будем брать их старшего. Шофер твой, начальник – мой. И без мочилова! Может, оба пригодятся.

Напарник кивнул и уже было ломанулся в сторону «опеля». Еле поймать успел.

– Ты куда, балбес?! А если его провожать выйдут? Нет уж. Я так думаю, они накатом приехали, накатом и уедут. Движок включают только вон там, где улица поворачивает. Вот перед поворотом их и возьмем.

– А если сразу заведутся?

– Тогда колеса дырявить будем, хоть и не хотелось бы. Глушак на месте?

Пучков продемонстрировал «вальтер» с надетым глушителем. Ну и добре... Пока рысили вниз, я все оглядывался на виднеющуюся через деревья машину. Похоже, успеваем. Фрицы действительно, не включая мотора, начали катиться вниз. Так что поворота достигли почти одновременно, но мы чуть раньше. И как только услышали звук втыкаемой передачи, метнулись к притормозившему автомобилю. Взяли Генриха быстро и почти без шума. Почти, потому что Лешка, перелетая через капот, поскользнулся и шустрый водила среагировал на метнувшуюся тень. Успел достать свой «люгер», поэтому напарник не стал миндальничать. Так что фриц с проломленной пистолетом башкой уgomонился навсегда. Зато его начальник был вполне жив. Ударом по темечку я его только слегка ошеломил, но ни в коем случае не покалечил. Пучков, скинув на заднее сиденье дохлого водилу, сам уселся за руль и покатился вниз, к речке.

Доехав до кустов, остановил машину и в темпе потащил труп к обрывистому берегу. А я, глядя в совершенно круглые и еще мутные глаза Генриха, без лишних слов сломал ему мизинец, одновременно затыкая рот, чтобы не очень уж вопил.

– А-а-а бхе-хе!

Фриц захлебнулся придушенным криком, потому что дополнительно заполучил кулаком в живот.

– Генрих, у тебя осталось еще девять пальцев на руках и кое-что между ног, поэтому не вопи и четко отвечай на вопросы, а то у меня времени мало. Понял?

Похоже – не понял... Глаза у него прояснились, но гестаповец был еще занят собой, то есть внезапными повреждениями руки. Ну как знаешь... Быстро провел ту же процедуру с безымянным пальцем.

– О-у-о! Бхе хе бе-е-е...

Только успел, ухватив его за шею, высунуть из машины, как допрашиваемого бурно стошнило. Вот говнюк! Хорошо, на меня не попал... Дернув пленного обратно, повторил вопрос:

– Осталось восемь пальцев. Будешь отвечать?

Ага! Вот сейчас – понял! Быстро закивав и не сдерживая часто катящихся от боли слез, фриц проявил наконец готовность к сотрудничеству.

– Где документы, отобранные у русского?

– Мы их сразу передали по инстанции. Я не знаю, где они.

– Точно?

Я сделал вид, что прицелился к следующему пальцу.

– Да! Да! Я правду говорю. Их забрал гауптштурмфюрер Леске! Еще позавчера!

– Где Леске?

– Он сразу же уехал в Кошицу.

Похоже – не врет... Странно было бы думать, что такие бумаги немец таскал с собой, не передав кому положено. Ладно, пойдем дальше:

– Где русский резидент?

– Он в армейском госпитале, в отдельной палате. Под охраной.

– Сколько человек в охране?

Гестаповец с недоумением посмотрел на меня, видно не веря своим ушам. Пришлось слегка смазать его по скуле, чтобы не особо задумывался.

– Два, два человека! Один возле дверей и один в палате.

– Почему госпиталь, а не ваша санчасть?

– Ее разбомбили на прошлой неделе.

Угу... понятно... пойдем дальше.

– Кто сдал русского?

Генрих не понял вопроса, поэтому пришлось повторить:

– Как узнали о местонахождении русского?

– Сосед из квартиры напротив – наш осведомитель. Он доложил о новом жильце. Когда пришли с проверкой, выяснилось, что этот человек объявлен в розыск.

Ну, соседushка, с тобой, я думаю, еще разберутся. Вот сука! Да не будь этого бдительного предателя, все было бы в ажуре. Хотя чего теперь сожалеть... Я глянул на часы. До контрольного времени у нас было еще минут сорок. Немного пожевав губами, принял решение:

– Леха, дуй к девчатам и всех давай сюда. Немного повоюем.

Пучков кивнув, скрылся в темноте, а мы с Генрихом продолжили беседу. Для начала выяснил, на каком этаже лежит резидент. Потом сколько там вообще постов охраны, включая дежурных медсестер. Пропустят ли его ночью к этому пациенту? Сильно ли напрягутся те двое охранников, если Генрих будет не один? Затем сказал:

– Поможешь вытащить резидента – останешься в живых. Честное пионерское.

Гестаповец мне закономерно не поверил. Но потом, слегка воспрянув духом, захотел гарантий.

– Какие тебе гарантии, идиот? Тут одно из двух – или я тебя отпускаю, или нет. Но при любом раскладе пыток больше не будет. В самом худшем случае умрешь быстро и почти безболезненно.

– Извините?

Немец, наморщив лоб, растерянно хлопал глазами.

А потом, видя, что я жду объяснения его заминки, робко пояснил:

– Извините, просто я через слово догадываюсь, что вы говорите. – И, глядя на мои сурово нахмуренные брови, торопливо добавил: – Ваш немецкий, конечно, очень хорош, но я его почему-то плохо понимаю...

Вот зараза! Всегда так – как только начинаю строить мудреные фразы на вражьем языке, то фрицы впадают в ступор. Видно, этот язык знаю все-таки гораздо хуже, чем мне кажется... Поэтому пришлось повторить медленно и без литературных изысков:

– Если ты нам можешь, то мы тебя отпустим.

На этот раз меня поняли нормально, но пленник опять пребывал в сомнениях:

– Даже если вы отпустите, то меня свои же расстреляют за помощь русским.

– Еще раз идиот. Кто про это узнает? Охрану-то живой мы оставлять не будем.

В общем, пока склонял фрица к сотрудничеству, появились ребята. Галка, немного послушав нашу беседу, активно в нее включилась:

– Да что с ним говорить? Режь его, Сема. Я про ту лечебницу и сама все знаю. Там от кочегарки можно прямо в подвал больницы попасть. Еще с царских времен ход этот существовал.

Генрих, поняв, что его помощь может и не понадобиться, резко согласился помогать. С деланным подозрением, посмотрев на гестаповца, приказал Пучкову:

– Ты его заряди пока – чтобы не очень дергался, а я сейчас...

Отведя Галину в сторону, уточнил, вправду ли она знает про этот подземный ход.

– Нет, товарищ командир. Это я так сказала – чтобы пленный не выкобенивался.

– Жалко... а я уж думал... Но все равно – молодец!

– Служу Советскому Союзу!

– Галчонок, ну что за официоз? Можно было просто – нежно лобызнуть любимого командира в ответ на похвалу.

Галка тряхнула короткой стрижкой и, блеснув улыбкой, ответила:

– Как-нибудь в следующий раз.

М-да... Совсем плохой стал – не хотят молоденькие девчонки со мной целоваться. Тяжело вздохнув и сделав печальную физиономию, пошел обратно к машине. Фриц уже был «заряжен». Леха, присобачив ему под китель «лимонку», вывел шнурок, привязанный за кольцо, к хлястику сзади. Генрих после этой процедуры сидел бледный и дышал через раз. Хлопнув гестаповца по плечу, отчего тот чуть не обгадился, ободряюще сказал:

– Ты не бойся, это только для страховки. Поверь, просто так тебя за фалды никто дергать не будет. Конечно, если сам себе навредить не захочешь.

По виду фрица было понятно, что сам себе он вредить категорически не хотел и эту фразу понял без дополнительных переводов и пояснений. Усадив пленного на переднее сиденье, расположились сзади. Пучков сел за руль и, лихо развернувшись, вывел машину на дорогу.

Пока катили к госпиталю, три раза натыкались на патруль. Одни нас пропустили, не оставившая, а двум другим Генрих небрежно демонстрировал свой жетон, после чего патрульные, козырнув, отвязывались. Даже вопросов про странных пассажиров в машине не задавали. Мне тут же захотелось иметь в своем распоряжении подобную железку, поэтому решил, если все пройдет хорошо, эту знатную вещицу у гестаповца отобрать. Когда «опель» подъехал к госпиталю, было без пятнадцати три ночи. Часовой у ворот сначала напрягся, но волшебный жетон и тут не подкачал, после чего шлагбаум открылся и мы вкатили на территорию. Мягко скрипнув тормозами, остановились возле флигеля, где должен находиться пленный разведчик.

– Ну что, Генрих, – наш выход. И прекрати так потеть! Понятно, что ночь теплая, но твой промокший китель может навести на подозрения.

Видно было, что немец смутился.

– Это просто физиология. Когда сильно нервничаю – потею.

– Угу... а когда ты потеешь, то воняешь, а когда воняешь, то тебя бьют.

– Что?

– Ничего, не упади.

Придержав гестаповца за локоток, удержал его от падения на крыльце. Тот, споткнувшись, кажется, взмок еще сильнее, постоянно помня о гранате у себя на поясице. Проскочив мимо медсестры, углубились в дальний конец коридора. Там, на стуле сидел первый охранник. Увидев гостей, он вскочил и вытянулся. Подойдя ближе, мокрый Генрих спросил строгим голосом:

– Как пленный?

– Спит, господин оберштурмфюрер!

– Проводи.

– Есть!

Охранник открыл ключом дверь и, пропустив нас, вошел следом. В маленькой комнатке были еще один сторож и человек на кровати. Лежавший, видно, проснулся при звуке разговора и теперь, не поднимаясь, разглядывал прибывших, оттопырив разбитую губу. М-да... хорошо над ним постарались. Узкие щелки заплывших глаз, свернутый, опухший нос. Это только из видимых повреждений...

Ну пора начинать веселье. Подхватив гестаповца под руку – чтобы не дергался, выдернул пистолет и в два выстрела вывел охрану из игры. Пук, пук и – готово. Хорошая все-таки вещь – глушитель. А то ножом – как-то неэстетично. Резидент при виде такого поворота событий умудрился расширить подбитые глаза почти до нормального состояния. Не выпуская руки пованивающего Генриха, наклонился к нашему разведчику и спросил:

– Вилли?

Тот молча кивнул, продолжая пялиться на меня, как на тень отца Гамлета.

– А если я предложу тридцать рейхсмарок за смычок, вы сможете его найти?

Лежавший прикрыл глаза и только секунд через сорок ответил, шепелявя разбитым ртом:

– Даже за триста марок это невозможно. Его у меня просто нет.

Вот и хорошо. Пароль с отзывом прошли нормально. Хотя и не сомневался, что этот сильно побитый мужик – тот, кто мне нужен.

– Идти сможешь?

– Да я отсюда ползком поползу!

– Ползком не надо. Раздевай этого жмурика, – я пихнул ногой ближнего охранника, – и одевайся.

– Э-э-э... здесь моя собственная одежда в шкафу висит...

– Тем лучше. Давай, давай – в темпе!

Пока Вилли, кряхтя, облачался, я, подойдя к окну и раскрыв его, прищелкнул языком. Тут же появились Пучков со Светланой.

– Принимай груз!

Ребята подхватили тяжело перевалившегося через подоконник Вилли и шустро поволокли его слабо шевелящую ногами тушку к машине. А мы с Генрихом вышли так же, как и вошли, чтобы не возбуждать у дежурной медсестры преждевременных подозрений. Тем более надо было сказать ей пару слов, чтобы с раннего утра тут кипез не поднялся. Не знаю, когда у них плановый обход ранбольных, но в палату, где сейчас валяется два трупа, доктор должен попасть как можно позже. Поэтому проинструктированный Генрих, проходя мимо дежурной, приказал:

– Процедуры отменить! До моего прихода к палате чтобы никто не подходил! Обязательно передайте это по смене.

Средних лет медсестра, вставшая при нашем появлении, только отрывисто кивнула, как болванчик, и ответила:

– Яволь!

Ну вот и славно... А даже если кто в нарушение приказа и попытается сунуться, то дверь, уходя, я закрыл на ключ, так что форы у нас будет. Не торопясь, спустились с крыльца и, утробавшись в автомобиль, поехали к воротам. Часовой, может, и удивился увеличению количества пассажиров, но вида не подал и выпустил в ночь без проблем. На этот раз патруль встретился только единожды и то, скользнув по знакомым номерам равнодушным взглядом, просто козырнул проезжающей мимо машине.

– Леха, не гони так... И вообще – куда едем?

Пучков вместо ответа лишь плечами пожал. Обговорив все, мы как-то не обсудили пути эвакуации, и теперь, подъезжая к знакомой кривой улочке, он, похоже, сам удивился тому, куда его занесло. М-да... выходит, круг замкнули. Откуда началась сегодняшняя ночь, там она, похоже, и закончится. Хотя до конца еще далеко – времени только без двадцати три. Так что правильно нас Леха привез. Сейчас машину в реку, а сами в пещерку до утра, пока комендантский час не кончится.

Все повылазили из «опеля», разминая затекшие в тесноте конечности. Пучков при этом держался рядышком с немцем. Тот, видно, почувствовав критичность момента, обратился ко мне:

– Господин офицер, вы обещали мне жизнь.

Я кивнул:

– Действительно, обещал. Ну давайте для начала избавимся от гранаты.

Генрих с готовностью повернулся спиной, чтобы было удобнее добраться до взрывоопасного кругляша, но я, подойдя к нему, гранату трогать не стал, а одним резким движением свернул гестаповцу шею.

– Извини, фриц. Девать нам тебя некуда. Да идохлый ты – гораздо более симпатичен.

Вилли, поглядев на эту экзекуцию, только крякнул, а остальные восприняли как должное. Светлана даже кивнула одобрительно. Потом резидент, предварительно сбегав к кустикам, видно, отбитые почки давали о себе знать, подойдя ко мне, потянул за рукав:

– Командир, у меня к вам есть разговор.

Оглядев побитого разведчика, я отходить в сторонку отказался, сказав:

– Говорите здесь. Люди все надежные.

Тот повздыхал, пощупал бланш под глазом и наконец решился:

– Видите ли, в чем дело. Когда меня взяли, то гестаповцы забрали портфель с документами. Но я их еще там, в Чехословакии, переснял на микро пленку...

Оба-на! Вот это поворот! Выходит, не все потеряно? Народ, как и я, сделал стойку, услышав эти слова. А Вилли, фантик плюшевый, держал актерскую паузу, ощупывая языком осколки зубов. Первым не выдержал я:

– Ну не тяни! Где пленка?!

– В той квартире, откуда меня взяли. В гостиной, под плинтусом, есть щель. Вот туда ее на всякий случай и спрятал, посчитав, что так надежнее будет.

– И на допросе о ней ничего не сказал?

– Немцы о пленке даже не догадывались, поэтому не спрашивали.

Потом виновато отвел глаза и добавил:

– А спрашивать они умеют...

Шагнув к нему, я ободряюще положил руку на плечо:

– Да не вини ты себя! В данной ситуации любой бы раскололся. Я знаю. Так что забудь. А вот за то, что пленку сохранил – начальство тебя в уста сахарные восторженно и неоднократно лобзать будет.

Разведчик, сильно сомневаясь в этих словах, покачал головой, но я, уже не обращая на него внимания, повернулся к ребятам, приказав:

– Все слышали? Так что за дело. Девчата, труп и машину – утопить. Леха, помоги им.

Народ побежал выполнять приказ, а я стал выяснять, под каким конкретно плинтусом заныканы микро пленки. Минут через двадцать группа вернулась. Оставив агентурного на попечении барышень, рванули в сторону знакомого дома. Шли быстро, прячась по палисадникам, и благодарили Бога за то, что осенью светать начинает поздно, поэтому время осуществить задуманное еще есть.

* * *

К половине четвертого подошли к знакомому каштану. Окно немцы так и не закрыли, только одеяло осталось висеть в проеме. Вот и славно, трам-пам-пам! Скользнув с ветки на подоконник, несколько секунд прислушивался, пытаюсь по звукам определить – есть ли в комнате бодрствующие. Ничего не услышав, стволом пистолета, удлиненного глушителем, чуть отодвинул полог. Ни фигу не видно, но то, что вопить и стрелять в меня не стали, это уже радует. Потихоньку просочился в комнату. Такой же бесшумной тенью следом нырнул Пучков. Фонарей у нас, само собой, не было, поэтому двигались на ощупь. Ага, вот кровать и на ней кто-то сопит. Почти беззвучно прошептал:

– Нашел.

– И я.

– Гасим...

В полной тишине звук глушителей показался громоподобным. Блин! Надо было в ножи их взять! Но сожалеть было поздно и, уже особо не скрываясь, рванули во вторую комнату. Там, при свете керосинки, торчала бодрствующая смена. Станный звук из соседнего помещения их насторожил, и один из засадников уже встал, на ходу доставая пистолет. Второй только начал подниматься. В этот момент мы их и почикали.

Пук! Пук!

Пук! Пук!

Я садил с колена, а Леха стоя во весь рост. Охранники изломанными куклами попадали на пол, так и не успев выстрелить. Потом напарник перекатом ушел на кухню, а я кинулся к тахте, под которой был заветный плинтус. Через несколько секунд вместе с вернувшимся

Пучковым, пачкаясь в пыли, шарили по полу в поисках пленки. Тут Леха замер и придушенным голосом сказал:

– Есть!

– Киса, вы нашли бриллианты?

– Нет, только пленку...

После чего, гордо показав мне две катушки, поинтересовался:

– А тут еще и бриллианты есть?

– Ну ты и темный человек. Что, «Двенадцать стульев» не читал?

Напарник, смущенно улыбнувшись, ответил:

– Читал, конечно, просто сразу не понял, о чем ты.

– Об этом самом... ладно, валим отсюда!

Уйдя, как Карлсоны, через окно, уже при начинающем светлеть небе добрались до пещерки. Победно вскинув кулак с зажатými в нем катушками, устало плюхнулся на топчан, сказав:

– Все ребята, сегодня мы опять победили!

Галка со Светкой восторженно пискнули, и я наконец был награжден одновременными смачными поцелуями с двух сторон. Правда – только в щеки. Лешка тоже был удостоен подобной награды.

А потом я, распределив дежурства, привалился к стенке, закрыв глаза. Однако сильно сегодня набегался. Хотя, конечно, удача во все тридцать два зуба улыбнулась. Это же чистая случайность, что в засаду не влипли и Генриха отловили. Фрицы, наверное, и предположить не могли, что найдется придурок, который обезьяной по деревьям скакать начнет, вместо того чтобы в дверь войти. Тем более третий этаж – это вам не с земли в окошко постучать. Подходы к дому они наверняка проверили и дерево видели, но все равно – стереотипы мышления дали о себе знать. Все-таки высоковатое окно для входа. Поэтому и дрыхли с комфортом при открытой раме. Вот из-за этого и вышло почикать фрицев достаточно легко. Хотя насчет легко – это я загнул. Устал так – руки дрожат. Да и завтра тот еще денек предстоит. Мало – выйти из города, еще и до точки встречи с самолетом дойти надо. Но нам только бы из Измаила выбраться, а там уже ребята Клима ситуацию контролировать будут. Ну и нас соответственно – блюсти и охранять. Под эти мысли провалился в сон как в яму.

Глава 3

– Товарищ командир, вставайте. Товарищ командир... Сеня, проснись!

Биомать! Будят какого-то Сеню, а трясут меня. И почему Гусев говорит таким приятным женским голосом, да еще и командиром называет?

– Товарищ командир...

Блин! Открыв глаза, увидел Галку, которая очередной раз пыталась меня подергать за плечо. Заметив, что я проснулся, она довольно улыбнулась и сказала:

– Утро уже.

Мельком глянув на часы, удивленно присвистнул. Ого! Неплохо на массу даванул – уже восемь. А потом, увидев сладко сопящего Пучкова, сурово сдвинул брови и повернулся к девочкам:

– Так... это еще что за самодеятельность? Вы почему нас на дежурство не разбудили?

Те в один голос запели, мол, им все равно не спалось, так чего же нас, умотанных, будить? Детский сад какой-то. И сказать мне нечего. Не начинать же разнос за нарушение дисциплины? Поэтому только вздохнул и пробурчал:

– Спасибо, красавицы.

После чего, пихнув Леху в бок, приказал:

– Гек, подъем!

Напарник, услышав свой позывной, сразу вскинулся, очумело пяля сонные глаза. Ну вроде все встали. Даже Вилли, у которого фингалы на физиономии переливались всеми цветами радуги, уселся на топчане, кряхтя и осторожно ощупывая полученные повреждения.

М-да... тоже задачка. Как его такого разукрашенного и еле ковыляющего из города выводить? А ведь контрольный срок выхода – сегодня. Причем до начала комендантского часа. Мы-то изначально рассчитывали за световой день обернуться. Кто же знал, что такой косяк получится? Теперь еще этот Бельмондо разноцветный, каждые десять минут в кустики бегающий, на шее висит... Даже если ему на голову ту соломенную шляпу натянуть, в которой местные пейзажи ходят, все равно – такие бланши не спрячешь. Да и шляпы у нас нет... И ходит он с трудом – все-таки поработали с бедолагой в гестапо не слабо. И жрать охота. Ух как охота. Последний раз вчера рано утром ели... Только подумал о еде – в животе забурчало. Пучков понимающе покосился на меня и ответил еще более громким бурчанием. Девчата прыснули, а я, цыкнув зубом, принял решение:

– Всем слушать сюда. Особенно это вас, барышни, касается. Ну-ка вспоминайте, где в этом прекрасном городе есть похоронное бюро?

Народ так удивился, что бурчания и смешки моментом прекратились.

– Командир, а не рановато?

– Гек, будешь острить – прикажу самому сделать гроб, из подручных материалов. А вы, милочки, думайте, думайте!

Светлана переглянулась с подружкой и, наконец поняв, что я не шучу, выдала ответ. Был, оказывается, в этой дыре свой Безенчук. И не один. Остается вопрос – работают ли они сейчас? Правда, я прикинул, что война смертей не отменяет, не говоря о том, что способствует им. Да и просто от старости люди тоже периодически отходят в мир иной. Другое дело, что сейчас похороны проходят без прежнего размаха. Но нам шик и не нужен – достаточно подводы и дешевенького гробика. А где кладбище находится, я и сам видел – мы мимо него проходили, когда в Измаил шли. Кстати, только сейчас вспомнил! Там как раз в присутствии попа, окруженного старухами, хоронили кого-то. И телега присутствовала! Ну поп нам без надобности, а вот гробовщик с транспортом нужен. Священник бы, конечно, тоже не помешал, для конспирации, но с ним заморочек может быть больше, чем пользы, так что его – отставить.

Теперь остается подбить бабки. Причем в прямом смысле. Так и сказал ребятам. После подсчета выяснилось, что на всех есть около четырехсот оккупационных марок, двести пятьдесят румынских лей и у меня в голенище сапога – еще пятьсот рейхсмарок. Эти полштуки финансист, помню, выдал без звука, но с таким душевным терзанием, что его даже жалко стало. А я вообще, исходя из опыта прошлой жизни да случая с греком-контрабандистом, считаю, что деньгами и пистолетом можно добиться гораздо больше, чем просто пистолетом. Так, перефразировав Аль Капоне, и сказал, вручив девочкам бабки перед отправкой разведчиц на поиски местного гробокопателя. Даже размер будущего содержимого ящика указал, оценив его на глаз, сантиметров в сто семьдесят.

Вилли от предстоящей перспективы живым надеть деревянный макинтош сильно разволновался.

– Товарищ командир, зачем меня в гроб?! Это же авантюра!

Глядя на державшегося за сломанные ребра «тихоню», ответил:

– А с такой мордой по городу ходить не авантюра? Даже если Леха сейчас побежит предупредить «невидимок», что у нас все нормально, то все равно неделю ждать, когда у тебя синяки начнут сходиться да ты сам нормально передвигаться сумеешь, мы не можем. И в этой пещере долго не продержимся. Через пару-тройку часов, когда фрицы поймут, что засаду в квартире постреляли, тут такой шмон начнется – мама не горюй! Да и в госпитале заинтересуются – чего это охранники без смены и туалета так долго заперты? Вот до этого времени и надо будет успеть свалить.

Резидент, похоже, внял словам и при помощи Гека, с трудом улегшись на топчан, прикрыл глаза. Вот и правильно – полежи, отдохни. Тебе сейчас сильно ерзать – противопоказано. Еще минут через сорок прискакала Светланка. С трудом переводя дух, доложила:

– Нашли гробовщика. Нашли и договорились. Он за все двести лей запросил. Галя ему задаток дала, и они следом едут. Минут через пять возле того поворота будут, что рядом с тропинкой.

Тут она растерянно запнулась.

– Только вот как же мы товарища Вилли при нем в гроб класть будем? Да и странно все это выходит. Обычно же телега подъезжает прямо к дому, где покойник лежит. А тут и дома нет...

– Не бойсь, принцесска! Все учтено. Вот это, – я указал на побитого резидента, – безутешный брат покойного. Дай ему платок – лицо рыдающее прикрыть. Ну а мы – тоже родственники. Сейчас встретим эту подводу, загрузимся и поедем дом показывать. А на тихой улочке быстренько загрузим пустую тару. Все понятно?

Народ закивал.

– Вот и хорошо. Если поняли – чего стоим?

И подавая пример, подхватив прикрывающего лицо Вилли, насколько возможно быстро пошел к повороту. Ребята рванули следом.

Правда, немного не успели – телега уже стояла на месте и возница удивленно глядел на странную компанию, идущую от реки. Передав трясущего плечами резидента ребятам, взял ведение переговоров в свои руки. Сразу подсев к водителю кобылы, наклонившись к уху, начал шептать:

– Це – брат покойного. Зовсим ни в себе. Последню волю умершого изповнял.

И сокрушенно поцокал языком. Возница равнодушно кивнул и только спросил:

– Кудой дале ихать?

– Та це близенько! Вин за той хатой, з червонею черепицей.

Мужик, чмокнув губами, дернул вожжи. Странного окраса лошадка, не поднимая головы, побрела дальше по улице. По тихой, пустынной еще улице. С одной стороны был обры-

вистый берег реки, с другой – двухэтажные и одноэтажные домики, густо закрытые деревьями. Блин, чего же мы ждем?

Повернувшись назад, махнул рукой, отдавая команду. А сам опять приник к гробовщику. Он как раз обернулся на возню у себя за спиной и удивленно выпучил глаза. Правда, там было на что посмотреть – народ сноровисто, в пять секунд упаковал безутешного брата в гроб и теперь все внимательно пялились на возницу. Дернув его за рукав, обратил внимание на себя. Развернув веером десять двадцаток рейхсмарками, в лоб спросил:

– Дядя, заработать хочешь?

– Э-э-э?

Мужик все пытался оглянуться.

– Ты не вертись. Ты сюда смотри!

Наконец он устался на деньги. Вот и умница.

– Доедем до кладбища и эти хрусты – твои.

– Э-э-э?

Вот, блин, заклинило! Он что, все слова забыл, только одна буква в памяти засела? И валить его нам не с руки. Эта телега наверняка достаточно известна, и, если появится за вожжами другой, могут возникнуть нехорошие вопросы. Да и сам он личность, любому полицая знакомая. Они нас даже тормозить не будут в присутствии местного гробовщика. Обычное дело – похороны. Но этого хмыря надо из состояния прострации выводить.

Вынув финку, приставил ее к боку мужика.

– Будешь, сука, дергаться – перо в бок получишь! Ты знаешь, кого везешь?

Собеседник при виде ножа расширил глаза и помотал головой. Ну хоть экать перестал – уже хорошо.

– Это вор центровой – Гриша Лютый. Тут залетные с Одессы, малость рамсы попутали, вот оно и получилось...

Что получилось – уточнять не стал. Тем более терзали смутные сомнения насчет наличия в природе в сороковых годах законников. Ну да и хрен с ним! После небольшой паузы, цвиркнув слюной через зубы, продолжил:

– Так что нам, дядя, сейчас надо с города выбраться. А дальше мы с этой мразотой фуфлометной разберемся. Тем более смотрящий из Галаца уже в курсах этого беспредела...

Е-мое! Чего я вообще несу!/? Этот работник лопаты ни слова ведь не понимает! То есть понимает, что это какая-то феня, но не больше. Надо как-то переключаться.

– В общем, понял меня? Доедем до кладбища без шухера – две сотни твои. Поднимешь кипеж, начнешь шуметь и дергаться – порежу на ленточки для бескозырок! Ты меня понял?!

Мужик кивнул, но я этим не удовлетворился. Мне его голос надо было услышать.

– Ты, фраер, не кивай, ты словами скажи!

– Так есть. Понив...

– Ну молодец, если понял. Держи задаток.

С этими словами сунул ему в руку несколько двадцаток. Собеседник довольно спокойно их принял, покрутил в руках и, сунув карман, спросил:

– А ежель полицаи остановлют?

– Дядя, мы ни немцев, ни полицаяев не опасаемся. Что, я похож на партизана? Для полицаяев у нас все бумаги имеются. Нам сейчас от залетных из Одессы треба уйти. Так что если ты, сука, нас этим дешевым фраерам выдашь, я тебе печень вырежу!

– Та ни! Я их и не бачив туточки!

– Вот лучше и не видь дальше. Если подойдут к тебе похожие на нас, – я кивнул в сторону ребят, – ты ничего не видел, ничего не знаешь.

Мужик опять кивнул и, дернув вожжи, подбодрил свою клячу, которая, похоже, вообще спала на ходу. Кстати, интересная деталь – возница, поняв, что полицаяев мы не боимся, сразу

почувствовал себя уверенней. Это было заметно по поведению. Перестал втягивать голову в плечи и косить на меня испуганными глазами. Проехав по длинным извилистым улочкам, наконец добрались до мостика, ведущего через старый, осыпавшийся ров. Основная дорога, с постом на ней, проходила метрах в восемьсот северней, а здесь торчал одиночный полицейский, который с интересом разглядывал несколько телег, приближающихся к въезду в город. Правда, невзирая на стремящуюся к нулю скорость нашей лошадиной силы, к мостку мы подружились первыми.

Я сидел, пригорюнившись и прижавшись к вознице, попутно щекоча ему бок финкой. Девчонки шли сзади, простоволосые и утирающие слезы. Гек, отстав метров на пятьдесят, контролировал ситуацию издалека. Местный блюститель закона при виде нас, как и думалось, не проявил никакого интереса. Старый и какой-то обрюзгший, он скользнул по катафальной телеге равнодушным взглядом, поправил винтовку и опять уставился на подъезжающие возы. Ну чисто гаишник, которому глубоко плевать на беспонтовый «запор» в ожидании приближения жирного «мерса».

Еще через двадцать минут подъехали к кладбищу, расположенному на холме. Отдав повеселевшему мужику сотню, почесал репу и предложил провезти нас до виднеющегося километрах в пяти леска.

– Довезешь, сверху полтинник румынских накину.

Конечно, эти леи были как капля в море по сравнению с рейхсмарками, но водила подписался. Какой, однако, хозяйственный человек. Прямо копейку к копейке собирает, Скруджд местного розлива...

Было уже около десяти. Не по-осеннему жаркое солнце ощутимо пригревало. Пахло сыростью и травой. Вот в этой идиллии мы и катили, не торопясь, все дальше от Измаила. Кстати, похоже, основной поток людей, идущий в город, прошел с утра, поэтому навстречу мало кто попадался. Когда остановились под деревьями, я, оглядев пустынную дорогу, тюкнул гробовщика по кудлатой башке. Не насмерть конечно. Часа через три очухается с легкой головной болью.

В темпе сгрузив его вместе с деревянным изделием за кустики и подобрав подскочившего Лешку, погнали телегу по дороге, ведущей к дельте Дуная. Коняшка, не привыкшая к таким скоростям и грубому обращению, обиженно всхрапывала, но выбирать не приходилось. Так что в результате наших телодвижений кляча развила непомерную для себя скорость километров семь в час и стабильно ее держала. Пучков перелез ко мне и, поглядывая назад, сказал:

– А ведь мы только-только успели. Когда вы уже с холма съехали, я видел, что немцы посты на выезде начали усиливать. К тому старому полицейскому еще пятеро солдат добавилось.

Угу... прямо как в мои времена – план «Перехват» и какой-нибудь «Вихрь-антитеррор». Только так же – в пустой след. Мы-то – тью-тью! Но все равно – оперативно они подсутились. В городе, наверное, сейчас шмон идет, только рубашки завиваются. Ну а как же? Перебита засада, исчез замначальника гестапо... Вспомнив Генриха, извлек из кармана его жетон и разглядел уже при свете дня.

С одной стороны овальной железки был орел со свастикой, а с другой – надпись по-немецки – «Государственная тайная полиция» и номер. Вот так – простенько и со вкусом. Хороший сувенир...

А еще через сорок минут езды телегу тормознул появившийся из неоткуда парень в полицейской форме и мы с удовольствием сдались ребятам из группы Клима. Они, пока торчали здесь, тоже добыли лошадиный транспорт, так что теперь мы передвигались к месту встречи самолета солидной компанией и на колесах. Ехать, правда, было недалеко. Первоначально планировалась эвакуация Вилли на «шаврушке» – гидросамолете Ш-2, но потом пришлось переиграть. Опасное оказалось дело – достаточно одного встреченного на пути плавучего бревна и капец летающей лодочке. Садиться-то она должна была ночью, а впотьмах хрен что увидишь.

Так что «дугласом» надежнее. Место под посадку ребята присмотрели ровное – без пней, кочек и каменюк.

Пока Климовские бойцы еще раз осматривали площадку и тащили караульную службу, мы завалились спать, добирая то, что недоспали вчера. А в полвторого ночи, быстренько загрузившись в самолет, без происшествий долетели над черным, сверкающим антрацитом в свете луны морем до аэродрома в Николаеве.

Глава 4

Только самолет приземлился, нас встретил курьер. Целый майор НКВД с суровой охраной. Получив под роспись микропленки, он пожал всем руки, поздравил с успешным окончанием задания и быстренько свалил. Вилли загрузили в санитарный автобус и тоже увезли, а нам гостеприимные летуны предоставили для отдыха целый домик с двумя комнатами. Но вначале майор с крылышками в петлицах предложил баню и ужин. Правда, ужин был скорее очень ранним завтраком. Но когда солдат отказывался от жратвы? Тем более по первой летной категории? Так что предложение было принято с благодарностью. Помылись, отъелись, и рано с утра за Климовскими ребятами пришла полуторка. Чуть позже и девчонок увезла новинка советского автопрома – УльЗиС-43, он же «додж» в девичестве. С барышнями мы прощались более обстоятельно, чем с «невидимками». С диверсантами просто пожали друг другу руки и разбежались, тем более знакомы достаточно давно. А Галку и Светку на прощание потискали от души и, только получив давно обещанные поцелуи, отпустили. Только вот даже адресами не обменялись. ГРУ, откуда их прикомандировали – организация серьезная, и где подружки в следующий раз всплывут, является военной тайной. Да и сами они этого не знают... Помахав уезжающему «ульзику» рукой, немного попинал камушек, а потом обратился к Лехе с вопросом:

– Слушай, тебе не кажется, что все улетели, а мы остались? Во всяком случае, положение точно как в том анекдоте.

– Еще как кажется.

Пучков паснул камушек мне.

– Что нам теперь – пешком идти?

– Куда? Без документов и в этом прикиде, – я подергал себя за кургузый пиджачок, – далеко не уйдем. Ладно, потопали к комполка, ситуацию прояснить.

Подполковник Гуцулов, командир полка транспортной авиации, отнесся к проблеме с пониманием, но по кряхтенью и хмыканью стало понятно – своего водилу с машиной давать не хочет. Зато дал связь, и ситуация прояснилась. Правда не очень... «Виллис» за нами, оказывается, ушел еще затемно и куда-то пропал. Северов, с которым мы в конце концов связались, узнав про это, обещал что-нибудь придумать. Ну пока на базе думают, я выпросил у подполковника машину и сопровождающего для поездки на пляж. На это Гуцулов тут же согласился, тем более было видно, что ему неудобно за свою предыдущую прижимистость.

Хотя человека можно понять. Хамья в армии хватает, и его новенький джип вполне могли подменить на рухлядь, а то и вообще зажать и вернуть только водителя. Где он потом хвосты искать будет? Не спорить же с военной разведкой, тем более те всегда отмажутся. А вот необременительно для себя угодить гостям он был готов, так что через двадцать минут в сопровождении старшего лейтенанта мы уже пылили в сторону побережья. Блин, хоть и нравится Черное море с его запахом йода, чистой теплой водой, галечными пляжами, но в этом году всего третий раз купаться буду. То далеко стоим, то времени нет, то еще какой-нибудь облом приключается... Но в этот раз, пока некупаемся вволю, фиг нас кто от воды оттащит.

В принципе как задумывали, так и получилось. Наплавались, наныряться до одури, пользуясь последними жаркими денечками. Где-то через час к нам присоединилась компания каких-то молодых мореманов, под предводительством степенного главстаршины. Запустив своих щеглов резвиться в воду, тот, разок окунувшись, предпочел загар заплывам. Сначала он просто валялся на камушках, а потом, закурив, подошел к нам знакомиться. Слово за слово – разговорились. Интересный оказался мужик. Он до войны в ЭПРОНе работал, а потом, в Балаклавском ВМТ, затонувшие корабли поднимая.

Тут беседа сама собой свернула на «Черного принца» и прочие утопии сокровища. Богдан Степанович, как представился нам главстаршина, травил о разных интересных находках и вообще о романтике работы водолазам. Рассказчик он был хороший, поэтому слушали с интересом. Только вот когда он рассказывал, как они обследовали старинный корабль, лежавший на глубине семнадцати метров, я спросил:

– А почему в водолажном костюме? Не проще легким водолазам было там все прошерстить? Глубина-то небольшая...

– Легким – это которые на чистом кислороде? Не-е... столько людей им уже потравились...

– При чем тут чистый кислород? Я про обычные акваланги говорю, которые со сжатым воздухом.

– Какие такие акваланги?

Степаныч удивленно поднял бровь.

– Ну эти... с маской, с баллоном, с ластами...

Я показал, как будто надеваю рюкзак, и с удивлением понял, что главстаршина не врывается, о чем ему говорю.

Ексель-моксель! Это что же получается? Если старый водолаз не слышал про акваланги, то выходит – тех еще в природе нет? Застыв с открытым ртом, пытался вспомнить, когда их вообще изобрели. В пятидесятых годах они точно были. Во всяком случае, в доисторическом фильме тех времен «Последний дюйм» в них плавали вовсю. И изобрел акваланг вроде... да нет, точно – Жак Ив Кусто. Про это по телеку показывали. Там, в старой хронике, молодой, носастый Кусто вместе с напарником плюхались с лодочки в воду именно в аквалангах.

Хм... как же я так протормозил? Почему-то был уверен, что легкие водолазы уже вовсю существуют. Те же немецкие подводные диверсанты, про которых книжку читал еще в детстве, не с ИПами ведь ныряли? Хотя, может, и с ИПами, не помню, да и тогда для меня разницы не было – ИП, акваланг...

А так как Богдан Степанович продолжал глядеть на меня, ожидая объяснений, то пришлось выкручиваться. Соврал ему, что это в Питере, перед самой войной, один парень такую штуку изобрел. Вещь крайне удобная, вот, мол, и думал, что она уже в производство давно пошла. Главстаршина заинтересовался, и я насколько мог объяснил ему в общем-то довольно простое устройство. Хотя сам его, честно говоря, не очень и знал. Там вроде вся фича в редукторах, причем один из них – высокого давления и в легочном автомате. Насколько мог, даже нарисовал общий вид в блокноте, который дал сопровождающий нас старлей.

Степаныч начал было расспрашивать про акваланг дальше, но тут с бугра, где мы оставили машину, посигналили. Прикрыв глаза от солнца, разглядел знакомую морду нашего водителя. Ну наконец-то. Сейчас Витька Пальцев будет звездюлей за опоздание получать. Ведь четыре часа этого паразита где-то носило. Водила, вприпрыжку сбежав с крутого склона, подскочил к нам и козырнул, радостно скалясь в щербатой улыбке:

– Здравия желаю, товарищи командиры!

Оттряхнув песок с плеча, ответил:

– Здравствуй, здравствуй, друг мордастый. Ты что, Палец, вообще забурел? Мы здесь как не пришей к транде рукав болтаемся, людей отвлекаем, – я кивнул на старлея, – а ты шляешься не пойми где. Калымишь, что ли?

– Това-а-арищ капитан, обижаете! Меня ведь почти сразу за Козлищами обстреляли. Хорошо, стекло откинута было – не раскоцали. А задний баллон пробили. На спущенном еле ушел. А ведь почти новый баллон был. Жалко. Теперь только на выброс. Я его пожевал весь, пока от фрицев драпал. И запаску тоже продырявили. Вот пока колесо латал, время и прошло....

Взмахом руки прервал Витькину трескотню:

– Стоп. Ты доложил, что тебя обстреляли? И почему думаешь, что это немцы были?

– Так точно, доложил! И на карте место показал. Я как до танкистов из хозяйства Рогова доехал, так сразу и доложил. Только потом колесо менять начал. А ведь почти новая покрышка была....

– Хватит тебе про резину стонать! Сам-то цел?

– Да что мне будет? Вот машина.....

– Отставить про машину! Ты скажи, почему нападавших немцами посчитал? Команды на немецком слышал или ругательства? Может, форму видел?

Вопрос этот меня интересовал не праздно. Одно дело, если это боевики УПА, другое – если гитлеровцы. Простые окруженцы машину бы обстреливать не стали. Им по-тихому до своих дойти – уже счастье. Обстреливать могли или националисты, которые уже растворились среди мирного населения, или диверсионная группа. А диверсанты – это серьезно. Захватив одиночную машину и став мобильными, да еще воспользовавшись неразберихой наступления, они могут хороших делов наворотить....

– Не... форму не видел. А ругательства... – Витька наморщил лоб. – Точно! Слышал! Один, когда я газанул, крикнул – пся крев!

Палец удивленно посмотрел на меня и, разведя руки, добавил:

– Выходит – это мельниковцы были?

– Выходит, что так. А ты сразу – фрицы, фрицы! Чуть в заблуждение не ввел...

Водила немного подумал, а потом, сдвинув белесые брови, выдал:

– А по мне – один хрен. Кто в меня стреляет – все враги, а значит – немцы. И сортировкой их по национальности пусть черти в аду занимаются.

– Вах! Хорошо сказал! А сейчас, герой припозднившийся, у тебя полчаса времени – можешь искупаться.

И, хлопнув Витька по спине, придал ему направление движения к берегу. Палец обрадованно кивнул и, путаясь в штанинах, мигом скинул форму, рванув к резвящимся на мелководье мореманам.

А я опять повел высоконаучный разговор со Степанычем об устройстве легководолазного агрегата. Хотя себе, конечно, заметку сделал во время очередной встречи с Верховным доложить о новом просветлении. И фиг с ним, что конструкцию акваланга знаю плохо. Хоть и плавал с ним всего пару раз, но ведь что-то все равно помню. Вон даже главстаршина понимает, про что говорю. Тут главное – идея, а там пусть инженеры мозги напрягают. Тем более, эта штука для диверсий годится просто исключительно, невзирая на демаскирующие пузыри. Да и не только для диверсий. Мест применения – масса! В общем, пока болтали с Богданом Степанычем, Палец искупался, обсох, и мы, отпустив старлея, покатали в свое расположение.

По пути все думал, сколько у меня в голове таких вот вещей находится, вроде знакомых и привычных с самого рождения, которые искренне считаешь всем известными, чуть ли не с начала времен. Но на проверку оказывающихся какими-то откровениями. Вон, например, как с радиоаппаратурой получилось. Я ведь даже и предположить не мог, что основные проблемы в ремонте тех же раций возникают при диагностировании поломки. То есть про модульные соединения тут и не слышали. Когда прибор приказывал долго жить, ремонтник вооружался схемой, тестером и начинал долго и мучительно искать сторевшую деталь. Только когда сам поглядел на Мишку, который, третий час копаясь в потрохах передатчика, не мог понять, в чем же глюк, спросил – чего он не раскидает ее по частям и не проверит поблочно. Спросил и с удивлением понял, что он меня не понимает. Тогда я еще Ивану Петровичу докладную записку написал, в которой описал общие принципы модульной открытой архитектуры. Ну ведь мелочь совершеннейшая, правда внедряли ее долго. Зато после принятия обычный армейский «маркони», судя по таблице неисправностей, вклеенной в крышку станции, мог просто тупо менять горелый блок на исправный и все! А остальным ремонтом зани-

мались уже специалисты в тылу, что сэкономило и время и нервы, да и технику фронтовые гореломельцы не палили. Так что результаты были – ого-го! Полковник потом сказал, что по результатам проверки время, затрачиваемое на замену и ремонт вышедших из строя радиостанций, снизилось в несколько раз. Тут «виллис» особо резво подскочил на очередной кочке, а я, прикусив язык, отвлекся от мыслей о глобальном и стал просто наблюдать за дорогой.

* * *

А еще через несколько дней в комнату, где все отдыхали, с горящими глазами заскочил Леха.

– Вы тут дрыхнете, а там! Там! Я уже насчет машины договорился! Давайте быстрее!

Гусев, приоткрыв один глаз, недовольно пробурчал:

– Чего ты орешь? Чего – там? Немцы, что ли?

– Какие немцы! Там к Громову – Утесов приехал! Мишке из штаба армии знакомый связист звякнул. Колычев уже добро дал. Едем мы втроем и Северов.

Из коек все вылетели, как наскипидаренные. Ну еще бы! Утесов в те времена был фигура! По-современному – суперстар! Это если в наше время слепить Кинчева, Круга и Пугачиху, то уровень популярности был бы приблизительно тот же. Хотя звезды приезжали на фронт не в первый раз, но интересовали меня далеко не все. Помню, когда приезжала Орлова – я даже не пошел на концерт. Толщина ног советской дивы и ее пронзительный голос ввергали мою разборчивую натуру в уныние. А вот шансон с джазом уважал всегда. Поэтому уже через пять минут мы выслушивали наставления полковника, стоя возле «виллиса». Иван Петрович, назначив старшим команды Гусева, выдал короткий инструктаж, предостерегая от различных залетов и посетовав, что у самого нет времени послушать знаменитый оркестр, наконец дал разрешение на выезд.

На место будущего выступления приехали слишком рано. Солдаты только-только заканчивали сколачивать помост, который выполнял роль сцены. Утесов со своей джаз-бандой готовился к концерту, располагаясь в здании школы, находящейся рядом со штабом. Причем охрану усилили настолько, как будто ждали высадки немецкого десанта. Хотя просачивающиеся отовсюду поклонники были похлеще фрицевских диверсантов. Те, кто помладше званием, пытались проникнуть в школу окольными путями. Кто постарше, наезжали на охрану возле главного входа. Но все получали облом. К самым борзым и крикливым выскочил начальник штаба и поимел в извращенной форме, невзирая на звания и награды.

Мы наблюдали за фанатами со стороны, держась подальше, чтобы не попасть под горячую руку. Честно говоря, никогда не понимал таких людей. Вон целого летного капитана, парня лет двадцати пяти, с двумя орденами «Отечественной войны» и «Красной Звездой», как пацана, натыкали носом и дали от ворот поворот. А оно ему надо было? Неужели желание поручкаться со знаменитостью затмило все остальное? Пока, сидя в тенечке, перекуривали, к нашей лавочке по большой дуге приблизился тот самый, обломанный кэп. Видно было, что парню хочется как-то оправдаться за недавний позор, свидетелями которого мы стали. Присев рядышком, он, поздоровавшись и тоже закурив, сказал:

– Вот ведь паразиты, так и не пустили... Вы, мужики, не подумайте, я ведь не какой-то, – он пошевелил пальцами, подбирая слово, – поклонник, который за автографом гоняется. Дело к Леониду Осиповичу имел важное. У нас ведь в полку ребята тоже свой джаз организовали. Хотелось про кое-какие вещи специфические у него узнать.

Я, выпустив пару красивых колечек, лениво ответил:

– Ну и спросишь после концерта. Сейчас чего на рожон-то лезть?

Капитан только рукой махнул:

– После концерта его моментально начальство к себе утащит. Тогда – точно не подберешься.....

Тут влез Пучков:

– А когда все начнется?

– Часа через четыре, когда народ из запасного полка подведут.

Вот блин! И что мы целых полдня делать будем? А все Мишка – быстрее, быстрее! Сиди здесь теперь как додик. Можно, конечно, штабных знакомых навестить, но сейчас пообщаться толком все равно не получится... Летчик тем временем, докурив, поднялся и махнул нам рукой:

– Ладно, славяне! Счастливо оставаться! – И помолчав секунду: – А все-таки жаль, что с таким человеком лично поговорить не получилось! Это ведь глыба! Талант!

И здесь меня удивил Гусев. Странно хмыкнув, он ляпнул:

– Ну с одной знаменитостью, ты уже поговорил...

Капитан удивленно остановился:

– Не понял?

– А что тут понимать? Песню «Як-истребитель» слышал? Автор, знаешь, кто?

– Знаю, конечно – Лисов Илья.

– Ну так ты с ним только что и говорил...

Сергея кивнул в мою сторону, и пришлось, не вставая, отвесить шуточный поклон.

Летун не поверил:

– Да ну мужики... пулю льете...

Но потом, поняв, что мы не собираемся ничего доказывать, изменился в лице и все еще недоверчиво спросил:

– Так ты... вы... тот самый Лисов, который и «Черного кота» написал?

Да уж командир – удружил так удружил. Видно, на Серегу общая атмосфера в преддверии концерта так подействовала, вот он и решил показать, что и мы не лыком шиты. Летчик продолжал удивленно пялиться, поэтому я, потянувшись, хрустнув суставами, уклончиво ответил:

– Ну во всяком случае, первый, кто такие песни в этом мире пел, точно был я...

Фанат джаза аж на месте подпрыгнул. Видно, крепко нахлобучила самодеятельного музыканта такая нежданная встреча. Немного придя в себя, капитан тут же развил бурную деятельность. А именно – предложил проследовать к нему, откушать чем бог послал, посмотреть на их ансамбль и вообще... Аргументируя тем, что до концерта Утесова еще полдня, а до летной части ехать – и десяти минут не будет. Мы переглянулись, но сказать ничего не успели. Леха, главный желудок нашей группы, не раздумывая, дал согласие за всех. Очень уж нравились парню летные столовые и тамошные барышни...

Пока грузились в джип – познакомились. Летчика звали Прохор Титов. Он был комэском в ЗАПе и со дня на день ожидал нового назначения. Поэтому и хотел быстренько узнать какую-нибудь интересную фичу у Утесова, чтобы перед отправкой поразить всех в полку последним выступлением своей музыкальной группы. С Леонидом Осиповичем пролетел, но вот меня, как фигуру не менее известную, упускать точно не собирался.

Доехали действительно быстро – минут за десять. Только вот по пути я предупредил Прохора, что к известности не стремлюсь. И флагом размахивать, демонстрируя мою физиономию, не надо. Ввиду специфичности профессии и военного времени. Сказал ему, что мы – военные переводчики, поэтому морды публике не светим. Но затем подбодрил приунывшего Титова, пообещав подарить для его коллектива только что написанную песню. Причем как раз про летчиков.

В общем, пока перекусывали в приятном обществе девиц-официанток, вся местная джазовая банда собралась в отдельном помещении, притащив свои инструменты. Войдя и поздоровавшись, мои ребята чинно расселись, а я с капитаном подошел к музыкантам. То, что я

собирался сейчас сделать, было, как обычно, плагиатом чистой воды. Только тырил не у наших авторов, а как это ни странно – у американцев. Песенка забойная, единственно, под гитару ее хреново было петь, а у Прохора целый ансамбль. Так что должно получиться. Оглядев при- тихших летчиков, сказал:

– В общем так, мужики. Попробуйте все влет, на слух воспринять. Нот вам дать не могу, но если получится – то, что вы сейчас сыграете, сам Утесов потом исполнять будет. Так что от вас нужно умение, ну и импровизации побольше. Готовы?

Народ закивал, а я, отщелкивая пальцами ритм, начал:

Был озабочен очень, воздушный наш народ
К нам не вернулся ночью, с бомбежки самолет
Радисты скребли в эфире, волну находя едва,
И вот без пяти четыре, услышали слова...

После первого припева джазисты начали подключаться. Сначала барабанщик, а потом потихоньку и остальные. Так что заканчивал под полное музыкальное сопровождение:

Мы летим, ковыляя во мгле,
Мы ползем на последнем крыле,
Бак пробит, хвост горит, и машина летит
На честном слове и на одном крыле.

Закончив, все немного повопили от восторга, но Титов, как истинный дирижер, быстро привел народ в порядок. Потом, еще часа два, гоняли мелодию по кругу, добиваясь известного мне звучания. В конце концов, услышав почти каноническое исполнение, конечно, с поправкой на мастерство играющих и глянув на часы, начал откланиваться.

Провожали всем составом. Прохор даже автограф затребовал. Ему за то, чтобы он не разболтал, кто я есть такой, в офицерском блокноте написал: «Будущему великому маэстро от поклонника» и расписался. Титов только что ножкой в смущении не шаркнул. А мы, запрыгнув в машину, покатали обратно к штабу. Там почти все было готово. Во всяком случае зрители уже присутствовали. Пока пробирались через толпу, ближе к импровизированной сцене, на нас пару раз рыкнули. Мы рыкнули в ответ и в конце концов, найдя подходящее место, приземлились.

А потом начал петь Утесов... И старые свои песни и новые. И про сердце, которому не хочется покоя, и про Мишку-одессита. И про пароход и про извозчика. Даже еще не слышанную мной – про фашистского козла. Правда, смысл в слово «козел» вкладывался несколько другой, но все равно – близкий к современному. Во всяком случае, слова припева, исполняемые под развеселый фокстрот, «Забьем козла, козла, браточки!» к игре в домино никакого отношения не имели, а наоборот: содержали призыв забить козлов – фашистов в самом прямом смысле этого слова.

Я от такого несколько обалдел. Надо же, какие песни тут на эстраде исполняют. Аж чем-то родным повеяло...

А говорили – цензура, цензура... Народ после каждой композиции хлопал, орал и всячески выражал свою радость. Некоторые от избытка чувств шмаляли в воздух, благо концерт проходил под открытым небом. Невоздержанных тут же выдергивали ребята из комендатуры и на этом для хулиганов праздник заканчивался. Остальные бойцы обращали мало внимания на занятых работой комендачей, продолжая веселиться. Вообще настроение было классное! Невзирая на то что все зрители в форме, ощущение такое, как будто на гражданке в концертном зале сидишь. И войны никакой нет...

Все-таки не зря на фронт такие артисты приезжают. За полтора часа выступления люди как будто в отпуске побывали. И непрерывное нервное напряжение ослабло... Под конец Утесов на бис спел любимую песню Верховного – «С одесского кичмана». Правда, как по мне, то Кортнев из «Несчастливого случая» ее исполнял лучше. Она у него более душевной и лиричной получилась. Но так как народу сравнивать было не с чем, то и классическое исполнение было воспринято на ура.

В общем, все было замечательно, жаль, быстро закончилось. Солдат стали строить, офицеры расходились и разъезжались самостоятельно. Уже садясь в джип, увидел, что Титов все-таки смог поймать главного советского джазмена и что-то ему втирает, показывая на своих ребят, которые стояли неподалеку, и непрерывно крутя при этом головой. У меня закралось подозрения, что он высматривает человека, пару часов назад подарившего ему новый шлягер. Хм... а оно мне надо? Он сам замечательно и мелодию и текст до Утесова доведет. Нас уже и так время поджидает. Только-только к контрольному сроку успеваем вернуться. Поэтому, быстро плюхнувшись за руль и не дожидаясь, пока мужики толком рассядутся, дал по газам.

А через полчаса езды из густого подлеска под наш резво прыгающий по проселку джип метнули гранату. Может, кто другой ее бы и принял за камень, брошенный каким-то дебилом по проезжающей машине. Только вот наивных в «виллисе» не было. Сами так не один раз «языков» брали. Прикинешь скорость, швырнешь гранату перед машиной, так чтобы она рванула под колесами, и аллес! Все осколки на себя принимает днище, а пассажиров только глушит. Ну... в основном только глушит. После чего их можно брать тепленькими. Поэтому, увидев летящий предмет, Серега с Лехой в один голос завопили:

– Граната!

А я тормознул, выкручивая руль, и тут же опять притопил газ, юзом влетая в кусты на обочине дороги. За спиной шарахнуло, но мужики уже вылетали из машины, занимая обочину. Только Мишка сидел, ошалело хлопая глазами и вцепившись в поручень. До этой штабной крыски, как мы его иногда шутливо обзывали, похоже, еще не дошло, что случилось. Но объяснять было некогда... Выдернув автомат из зажимов, тоже вывалился наружу, попутно прихватив Северова.

Блин! Снова, что ли, оборзевшие ОУНовцы шалят?

И куда на фиг СМЕРШ смотрит? Наберут таких, как Задрыгайчик, а потом свою же жопу при походе в сортир найти не могут, не то что кого-то поймать! Хотя это скорее просто от злости сейчас так думаю. Ребята с контрразведки еще те волкодавы и большинство диверсантов ими все-таки отлавливается. Жалко только, что вот этих конкретных они прощелкали...

Слева послышался треск сучьев и Гусев вцепился в звук, из пистолета. Треск затих, зато с другой стороны раздалась короткая очередь. Вот шустики – в клещи берут. Тот, которого пуганул Серега, опять зашевелился, и мне пришлось добавить по кустам из ППС. С полминуты было тихо, а потом по нам ударили в пять стволов.

На этот раз патроны нападающие не экономили. Видно, поняли, что потенциальные языки вполне здоровы и сдаваться не собираются. Тем более время работало на нас. В любую минуту по дороге могла проехать машина и ситуация кардинально бы поменялась. Бабах! Бабах! У-у, сволочи... гранатами пытаются достать. Правда, им кусты сильно мешают. Но если это не прекратить, то все равно осколками покоцать смогут. Я краем глаза увидел, как Гек шустро пополз вбок. Видно, тоже сообразил – пора что-то предпринимать. Мы с Серегой и слегка очухавшимся от неожиданности Мишкой поддержали его. Хотя лучше бы Северов просто лежал и патроны берет. Блин, ведь на концерт, а не на войну ехали, поэтому из оружия – только по пистолету на нос да автомат с одним магазином, две трети которого я уже расстрелял. Так что остается надеяться – Лехе повезет.

Дело в том, что Пучков, невзирая на наши подколы, всюду таскался с «лимонкой» в кармане. По-моему, даже в туалет с ней ходил, объясняя, дескать, это – «счастливая» граната.

Как «фенька» может быть счастливой, я не понимал, но сейчас сильно рассчитывал, что она всех выручит. Если Гек сможет выползти вон к той проплешине, то, кинув навесом в нападающих чугунный кругляш, он хотя бы отвлечет их внимание.

Я ногой уперся в торчащий из земли корень, чтобы сразу после взрыва дернуть на сближение с противником. Когда бахнет, они хоть на пару секунд да отвлекутся. Этого должно хватить для рывка к большому дереву слева.

А там, глядишь, и в тыл им выйти удастся. Поэтому, придавив Мишку к земле и погрозив ему кулаком, чтобы не дергался и не вздумал бежать за мной, застыл в ожидании.

Бабах!

Впереди шархнуло, и я побежал. Взрыв, как и было задумано, отвлек немцев. То, что именно немцев, а не националистов, сомнений теперь не было. Просто кто-то метрах в тридцати достаточно громко вскрикнул и ругнулся:

– Шайзе!

Похоже – зацепило фрица.

Фьють, фьють!

Над головой свистнули пули запоздалой очереди, но я уже нырнул, как в воду, в прелую листву за деревом. Ну теперь хрен нас одной гранатой накроете! По логике, нападающие тоже должны понимать, что если засада сразу не удалась, то надо сваливать. Бой идет уже минуты три, а по всем нормативам для диверсантов это слишком долго. Так что сейчас – они в отрыв пойдут.

В этот момент со стороны Лешки часто захлопал пистолет. Что за хрень? Высунув нос из-за ствола, с удивлением увидел метрах в пятнадцати от себя бесшумно скользящую фигуру в камуфляже. Вот суки отчаянные! Вместо того чтобы драпать во все лопатки, они на захват намылились. В руках у бегущего была граната, и, заметив, что я его увидел, он уже занес руку. Выпустив в шустрого фрица остатки магазина, опять спрятался за дерево. Бабах! Успел все-таки кинуть, гадский папа. Правда, не добросил... Так, выходит теперь их как минимум четверо осталось. Или трое и один подраненный. Но пора к Геку на помощь бежать, а то там уже маты слышны, значит, пошла драчка врукопашную.

По пути, подхватив автомат дохлого гитлеровца, вломился в кусты. И тут же нарвался на очередь в упор. Как увернулся – ума не приложу. Пуля попала в оружие, вырвав его из рук, а я, растопырившись, как лягушка, в длинном прыжке летел на выцеливающего меня камуфляжника. Пятнистый, от растерянности, что сразу русского не завалил, протормозил с повторным выстрелом, и через мгновение мы уже кубарем катились по земле. Я с переполоху забыл все хитрые приемчики и без затей вцепился фрицу в ухо зубами, попутно выкручивая автомат у него из рук. Немец заорал, отдал МР, но тут же выдернув нож, захотел ткнуть им меня в живот. Благодаря наконец-то включившимся рефлексам, нож перехватил и, вогнав под ребра противнику, отпихнул захрипевшего здоровяка от себя. Ффух! Блин! Чуть не убил, кабан накачанный!..

Выплюнув кусок отгрызенного уха, прислушался. Как-то резко стало тихо. Возни и матов не слышно, выстрелов тоже... Достав пистолет, осторожно пригибаясь и прислушиваясь, двинул туда, где в последний раз слышал молодецкие крики драки. Шагов через десять, заметив мелькнувшую между деревьями фигуру, взял ее на мушку и застыл. Но тревога была ложной. Это был Гек, который, увидев меня, показал куда-то в сторону. Дескать, там еще один. Осторожно двинув в указанном направлении, наткнулся на Гусева. И когда он успел сюда проскочить? Ведь несколько минут назад возле машины еще был...

Серег, мельком оглянувшись, кивнул на привалившегося к дереву немца. Тот сидел на дальнем конце небольшой полянки и, глядя на нас, криво улыбался. Окровавленные руки были прижаты к животу, и по всему выходило, что фриц опасности не представляет. Но Гусев, похоже, так не считал. Вот и стоял в двадцати шагах от раненого, не подходя ближе. Пока

Лешка страховал тылы, мы молча играли в гляделки с немецким разведчиком. Тот опять улыбнулся, показывая испачканные кровью зубы, и сказал:

– Ком, ком!

Дескать, давайте, подходите! Серега еще несколько секунд помедлил, а потом со словами: «Иди ты на хер!» навскидку выстрелил улыбочивому фрицу в голову. Тот дернулся, руки разжались, и на землю выкатилась граната. Во блин – камикадзе! Переждав за стволами разрыв, опять посмотрели на остатки гитлеровца. Теперь он точно опасности не представлял. Башки почти нет, и оторванная рука висела на кустах. Герой епрст... Но, похоже, это не просто разведчики – скорее коллеги парней из советских террор-групп. Немчура вообще быстро учится, и уже месяца два такие вот ухаи ползают по нашим тылам. Многие русский достаточно хорошо знают. Да и вооружены, помимо обычного оружия, еще и аналогами советских РПГ-2. Так что шороху наводят немало. У этих, слава богу, граников не было, а то бы нам солоно пришлось.....

Мы еще не успели подойти к подорвавшемуся фрицу, как появившийся на звук разрыва Гек молча протянул мне здоровый тесак. Покрутив его в руке, спросил:

– Ну и что тут?

– Это я с того здоровяка, что в кустах лежит, вынул. Ты на клеймо глянь....

На плохо вытертом от крови лезвии, возле рукоятки, было клеймо. Плюнув, потер его пальцем – и стал хорошо виден лев под пальмой. Серега тоже глянул и с удивлением хмыкнул:

– Странно...

Действительно странно... Орлы из африканского корпуса, у которых были такие тесаки, по данным разведки, должны были находиться километрах в четырехстах севернее. Быстренько осмотрели трупы, попутно сожалея, что живьем никого не получилось взять. Хотя тут не до жиру, сами живы остались – уже хорошо... Кстати, что интересно – у других фрицев снаряжение и вооружение было стандартное, лишь у моего кабана оказался эксклюзивный ножичек. А что это значит? С одной стороны, может, и ничего. Мало ли где он его нашел, выменял или купил? Но с другой – была еще одна заковыка: если фрица сравнивать с остальными трупами, то этот амбал был потемнее. Чуть-чуть, но потемнее. Выходит, загар пустынный, еще не весь сошел. Хотя это почти ни о чем не говорит – мало ли где фриц загорал этим летом? Но ведь и остальные тоже не из Норвегии прибыли, вот только цвет загара имели другой. Так что уши на макушке надо держать. Роммель – он еще тот жук, и четыреста километров для него не расстояние. А наша разведка уже не один раз впросак попадала... да что разведка; бывало, и мы сами обмишуривались...

Поэтому, забрав трофейное оружие, выгнали почти не пострадавший «виллис» на дорогу. По пути подобрали Северова, который меня с переполоху чуть не пристрелил, и покатали докладывать свои предположения начальству. Правда, когда я уселся за руль, Гусев протянул мне платок:

– Вытрись, а то такое впечатление, что ты своего фрица не просто убил, а еще и съел.

Глянув на себя в боковое зеркало, только выругался. Видик был еще тот. Основную кровь с подбородка стер сразу, но и остатков хватало, чтобы меня за недобитого вампира приняли. То-то Мишка от меня так шарахнулся. Тут еще Пучков, хихикая, добавил:

– А Илья его и начал есть. Ухо отгрыз напрочь, но потом, видно, мы его отвлекли. Страшно даже подумать, что от немца остаться могло, если Лисову волю дать.

– Да ну вас в жопу, шутники доморощенные! Просто невкусный попался, поэтому и не доел. Вот если б это Северов был, – я ткнул довольно упитанного радиста в бок, – тогда, конечно, другое дело!

Мужики заржали, и еще минут пять мы, показывая пальцами друг на друга, вспоминали, как Мишка застыл с недоуменно-ошарашенной мордой в самом начале обстрела. Как Гек,

сумасшедше виляя задом, полз к проплешине. Как Лисов из себя прыгуна в воду изображал... В общем – отпустило... А когда руки перестали трястись, я наконец дал по газам.

Глава 5

Биомать! Армия не меняется с начала времен. И армейские заповеди, придуманные, наверное, еще древними греками, остаются актуальными по сей день. Говорил ведь кто-то из великих – инициатива наказуема! Поэтому, когда мы прискакали к полковнику с золингеровским ножичком и своими предположениями, он не отмахнулся, а сразу развил бурную деятельность. До самой темноты, а потом еще и полночи с кем-то связывался и по ВЧ и по обычной связи. Все что-то уточнял, выяснял и обдумывал. А сутреца обрадовал нас новой задачей. Вот, не хватало ему более конкретных данных для своих, блин, гениальных умозаключений! Поэтому мы должны были взять жопу в горсть и быстренько сбегать аж к Днестру. Там, в районе Тирасполя, посмотреть, не появился ли неожиданно для всех «Лис пустыни» со своим войском и не готовит ли он нашим, готовым к рывку на Одессу войскам крупную каку в виде флангового удара. Ту же задачу будут выполнять и армейские разведчики, но мы лучшие, на нас надежды больше и бла-бла-бла в том же духе. Старшим группы иду я, а Серега опять остается при штабе. Что характерно, он даже не возмутился такому приказу Ивана Петровича.

Вообще в последнее время происходит что-то странное. Нет, внешне все как было, так и осталось. Только я стал замечать, что Колычев больше обычного мотаться начал и стал часто брать с собой Гусева. Замену он себе, что ли, готовит? Напрямую спросил у майора, но этот гадский папа, как обычно, только отшутился...

В общем, идем вчетвером. Я, Гек, Змей и Хан, он же Марат Шарафутдинов. Для Змея будет это первый выход настолько глубоко в тыл, поэтому инструктировал его особо тщательно. А так как работать предполагалось достаточно далеко от линии фронта, нам еще навязали радиста. Стандартная ходилка-говорилка, за сто верст, хоть ты на пупе извертись, не возьмет, поэтому сейчас, у него была достаточно компактная и мощная станция «Север-3».

Еще выдали три совсем небольших, новеньких приемопередатчика, с наушником на широкой резинке и ларингофоном. Мишка, когда нам рассказывал об их возможностях, весь корпус слюной закапал от восторга. Он, захлебываясь, трывдел что-то о доработанном кристаллине инженера Лосева, о контурах, катушках и разнесенных частотах. В общем, ни фиги непонятно. Зато, как пользоваться головной гарнитурой, мы сразу поняли и оценили. Эти штуки были похожи на те, чем пользовалась спецура в мое время. Размером, конечно, раза в три больше, зато насколько теперь удобнее дела делаться будут. Единственно, радиус действия раций был совсем крохотный, метров пятьсот, не больше, да и то на открытой местности. Но группе для работы больше и не нужно, а то ведь гитлеровская радиоразведка тоже не дремлет....

Так что радист Тихон Балугев плавно вливался в наши ряды пятым бойцом. Пацан был достаточно грамотный, закончивший школу в Балашихе, поэтому сильно за него не опасался. Он хоть и прибыл к нам недели две назад, но вполне соответствовал общему уровню подготовки. «Языков» ему не брать, зато на рации работает отлично. Если уж сам Северов о Тихоне отозвался как об отличном специалисте, значит, точно – связь у нас будет всегда. А это, в общем-то, единственное требование к нашему «маркони».

Заброска планировалась, как обычно – самолетом. После долгих прикидок решили высаживаться недалеко от Дубовиц – деревни, километрах в тридцати от Тирасполя. Там и леса подходящие есть, и войск не очень много. По уму, еще проводника бы найти, но из-за нехватки времени решили на поиски человека, знающего этот район, – забить. Это когда в Измаил ходили, зеленый свет был со всех сторон, а сейчас только искать и согласовывать пару дней точно будут. Тем более, Колычев дал очень хорошие карты. Трофейные, правда, с надписями на немецком, но от этого не менее подробные.

Прибыв уже в сумерках на аэродром, для начала дал накрутку штурману, чтобы выбросил не у черта на рогах, как уже бывало, а четко в нужном месте. Тот проникся и пообещал, что все будет тип-топ. Я только носом на это покрутил и вынужден был поверить на слово, хотя совершенно салабонистый вид летуна, отрекомендованного как лучший штурман полка, доверия не внушал. Мы бы, конечно, предпочли опытного специалиста в годах, а то этому на вид восемнадцать лет было. Под носом только-только усики стали пробиваться...

Правда, начальник штаба давал голову на отсечение, гарантируя точность выброски, поэтому, хоть и ворча, загрузились в Ли-2. Погоняв движки в разных режимах, самолет, резво подпрыгивая, наконец оторвался от земли и, загребая темноту лопастями, взял курс на запад. Минут через сорок полета в салоне появился борттехник и, показывая палец, проорал мне в ухо:

– Одна минута! Готовьтесь!

После чего открыл дверь, поглядел в черный проем и, дернув стоящего наготове Змея за обвязку, показал, дескать – давай. После чего, с небольшими интервалами, выпустил из самолета остальных. Последний вывалился я. Порывом ветра сначала закрутило, но через несколько секунд над головой хлопнуло и я, поудобнее устраиваясь в подвесной системе наконец получил возможность глянуть вниз. Ни черта не видно, хоть глаз выколи... Что там внизу? Деревья, поляна, болотце – непонятно... Ухватившись за стропы, закрыл перекрещенными руками морду и, напружинив ноги, приготовился к встрече с неизвестностью.

Приземлились удачно. Никто не поломался, только я завис на кроне, как паучок Ананси, и минут двадцать потерял, пока сдергивал купол. Спрятав парашюты, как обычно в разных местах, двинули к Дубовицам сориентироваться и осмотреться. Через полчаса хода стало понятно, что молодой штурман – действительно спец. Выбросил тютелька в тютельку. И это без всяких GPS или сигнальных костров с земли! Так что по возвращении с меня пирожок и пончик...

Обойдя деревню по большой дуге, двинули на север, вдоль Днестра. Мы ведь не зря перед выходом на базе головы ломали. По прикидкам, корпус, если он действительно переброшен на наш участок, за рекой держать не будут. Может ведь как получится – если раздолбают мост, то все немецкие планы пойдут насмарку. Да и в принципе завязываться с переправами – дело муторное. А у нас расчет идет на то, что фрицы не в обороне отсиживаться будут, а попытаются нанести удар с последующим выходом к Южному Бугу. То есть им – мобильность нужна. Вот и думаем, что они сейчас скрытно сосредоточены где-то недалеко. Другой вопрос – где? Авиаразведка этого района не дала ничего. Вчера весь день летали и, кроме уже отмеченного на картах, никакого левого шевеления не обнаружили. Так что теперь наша очередь землю носом рыть.

Особенно обидно выйдет, если никого не найдем, а тот владелец ножа, из-за которого все и началось, окажется прикомандированным или просто переведенным после ранения в другую часть, одиночкой. Хотя вряд ли – это только у нас после госпиталя могут запнуть, куда душа пожелает. Фрицы же практически всегда возвращаются в свое подразделение, что немало способствует повышению боевого духа. А наш извечный бардак в этом вопросе доходил до маразма. Артиллериста без проблем запикивают в пехоту, кавалериста в саперы... Хотя в последнее время вроде стало налаживаться. Стараются, невзирая на затраты, возвращать людей в свои части. Да и вообще, в этом году, многое поменялось. Взять хотя бы тот приказ, который произвел фурор в войсках. Теперь отпуск дают не только за героизм или по ранению, а просто по графику. Отвоевал полгода, остался живой, ну так и вали на родину – демографическую ситуацию улучшать. На все тебе десять дней, не считая дороги.

Я, кстати, на эту тему с Берией еще в начале сорок второго говорил. Мол, рождаемость резко упала; и что мы будем делать через лет восемнадцать, когда в армию призывать почти некого будет? Специально тогда именно армией в нос тыкал, чтобы пробрало получше. Правда,

обстановка тогда к отпускам не располагала, но потом, когда все стабилизировалось, выходит, вспомнили и реализовали хорошую задумку...

Раздался шорох, и шедший головным Леха остановился, подняв руку. Все замерли, но через несколько секунд он махнул, разрешая движение. Прибавив шаг, догнал Гека и спросил:

– Что там было?

– Зайца, похоже, спугнул. У меня чуть сердце не выскочило, когда он из-под ног шмыгнул.

– Бывает... Ладно, давай назад, я первым двину.

Пучков оттянулся за спину, и теперь я, напрягая слух и зрение, топал по темному лесу, стараясь поменьше хрустеть сучками, что, как назло, постоянно лезли под ноги. Уже под утро добрались до первой расчетной точки сосредоточения немецких войск. В предрассветном тумане прошли через луг, и я, прежде чем нырнуть в лес, машинально оглянулся. Оглянулся и обомлел. От одного края луга до другого, там где мы прошли, осталась отлично видимая, слегка изгибающаяся тропинка.

Епрст! И что теперь? Летом ведь так ходили и ничего – трава к рассвету выпрямлялась, маскируя следы.

А сейчас осень, и она хрен поднимется после пятерых слонов, прошедших по ней гуськом. Все осложняет, что это не какая-то лесная поляна, а именно луг. И соответственно деревня чуть больше чем в полукилometре от него. А в этой долбаной деревне или немцы, или полицаи однозначно трутся. Выйдет такое мурло утречком, после стаканчика парного молока, природой полюбоваться, а тут нате! Дорога столбовая, русскими разведчиками проторенная.

У них даже сомнений не будет, что именно русскими, потому что местные по лесам стараются не бегать. Да и направление характерное... От опушки к опушке. А когда это сообразят, начнут нас гонять, как тогда в Крыму... Правда, здесь не степь, да и предвидели мы такой вариант. Поэтому, еще раз с сожалением оглядев примятую траву, приказал:

– В общем так, мужики, мы наследили. Поэтому давайте доставайте чуни и погнались дальше.

В этих самых чунях из волчьей шкуры, надетых поверх сапог, двигаться было крайне хреново. Благо недолго... Резко изменив направление движения, мы проскочили километра полтора и, немного не доходя до дороги, закинули неаппетитную обувь обратно в рюкзаки. У нас, конечно, была смесь перца с табаком, но вот волчий запах понадежней будет. Собачка, нюхнув его, совершенно по-другому себя ведет, чем от кайенской смеси. Глядишь, проводники и подумают, что здесь просто дикое зверье проходило.

Возле дороги проторчали часа три. Несколько раз проходили колонны, но по маркировке выходило, что это все местные старожилы. Еще через час наблюдения стало понятно, что ничего мы тут не вылезем. Надо брать «языка». Только вот стремно как-то. Одиночки здесь не ездят. Да и сильно наследим, если даже какую машину тут остановим. Посмотрев карту, приняли решение уходить еще ближе к Днестру; может, там, на проселках повезет...

Но повезло немного раньше. Проходя через поляну, наткнулись на немецкий полевой кабель. Его глазастый Змей первым увидел. Присев на колено, он показал мне коричневатого цвета шнур, почти невидимый в траве:

– Командир, смотри – полевка фрицевская. Режем?

Хм... Это у Козырева инстинкты говорят. Резать связь при каждом удобном случае. Но сейчас так действовать не будем. Попробуем сделать похитрее. Так и ответил:

– Нет. Порежем – связисты насторожатся. И под кабанов, типа они его порвали, сработать не выйдет, эти хряки все уже отсюда разбежались... Так что давай иголку.

Женька достал из пилотки иголку и протянул мне. Прикинув, где находятся жилы, вогнал иглу в изоляцию так, чтобы их коротнуть. Потом, забрав иголки у остальных, повторил опера-

цию. Взятými у Балуева кусачками обломал хвостики под корешок, добавил их глубже в изоляцию и дал народу команду маскироваться. Теперь даже если через руку пропускать кабель, как это всегда делают связисты, то место покоцанности они не найдут, соответственно ничего не заподозрят. Зато мы всегда сможем посмотреть, кто идет и сколько идет. Так, чисто для подстраховки. Отправив Хана со Змеем в разные стороны, метров на триста дальше по кабелю, включив рации, начали выбирать место для засады, благо в этой рощице их хватало.

Минут тридцать было тихо. Рассредоточив людей, я лежал возле нехилого дуба и от нечего делать наблюдал за муравьиной цепочкой, таскающей разный лесной мусор. Мураши своей целеустремленностью сильно напоминали барахольных китайцев на разгрузке фуры со шмотками. Никто не филонил, не отваливал в сторонку на перекур – все были при делах. Скучно... Положив сучок поперек их тропы, приготовился понаблюдать за возникшим было кипешем, но не успел. Вдалеке заорала сорока, и почти тут же тихонько зашипел динамик на ухе:

– Пара от меня. Чисто...

Ага. Значит, со стороны Марата топают двое и без прикрытия. Взмахом руки привлек внимание остальных и жестами показал, сколько и откуда людей двигается. Ребята встали за деревьями и приготовились к встрече. Но ремонтники еще не успели появиться, как опять ожила рация. Искаженный наушником и шепотом голос Шаха звучал почти панически:

– Плюс восемь! Плюс восемь! Как понял?!

Биомать! Как это – плюс восемь?! Это что же значит – крайне хитрожопые фрицы пустили пару связистов, а за ними почти отделение прикрытия? Ну козлы, как быстро учатся! И что нам теперь делать? Если этих пропустим, где потом «языка» ловить? Да и сейчас тоже ничего не выйдет, только засветимся. То есть пленного если и возьмем, без шума все равно не обойдется. Или обойдется? Нет, расстояние между связистами и остальными, скорее всего, на прямой видимости. Одновременно одних захватить, а других ухлопать никак не получится, бой все равно завяжется. А для нас этот бой – вилы. Если к тем восьми прискачет подмога и прижмут к реке, то считай, писец настал... Все это в голове за какую-то секунду пронеслось, и шепнул в рацию:

– Понял. Оставайся на месте.

Опять высунулся из-за дерева и, сложив руки крестом, сделал зверскую морду, давая отбой мужикам. Гек удивленно поморгал, но кивнул, давая понять, что информация дошла.

А еще через минуту показалась пара быстро идущих немцев. У одного, с большой сумкой, который пропускал шнур через ладонь, винтовка висела за спиной, зато второй автомат держал поперек груди и настороженно зыркал по сторонам. Не останавливаясь, они проскочили мимо нас. И только скрылись из глаз с одной стороны, как с другой появились идущие друг за другом на дистанции метров шести-семи солдаты. Не-е, блин! Не просто солдаты – эсэсовцы! В своих камуфляжных куртках, все с автоматами, гитлеровцы почти без шума двигались за связистами. Когда и они скрылись за листвой, тихонько выдохнул. Оказывается, пока фрицы мимо проходили, я почти не дышал...

Зараза, ведь чуть не влипли! Эти эсэсманы, судя по повадкам, из ягдкоманды. Таких без стрельбы однозначно положить бы не получилось. Так что, выходит, решение их пропустить принял правильное... Блин, неужели по этому кабелю в/ч связь проходит? В противном случае откуда тут эти сволочи тогда взялись? С каких пор на сопровождение рядовых линейщиков зубров из СС запускают? С другой стороны, в/ч просто так в кустиках не бросят. Ее или по столбам пускают, или в траншею прячут. Так что связь, наверное, все-таки обычная. В таком случае, хрен его знает, чего они сюда такой толпой пожаловали. Может, просто где-то рядом высокочастотка проходит, поэтому так нервно даже на рядовую полонку и реагируют? Но это гадания на кофейной гуще. Варианты можно перебирать до ишачьей пасхи, надо просто пойти и посмотреть, куда этот шнур выведет.

Приложив ладонь к горячей морде, передернул плечами. Это отходняки пошли. У меня всегда так, перед дракой лицо краснеет. А здесь она неожиданно отменилась, но адреналин остался, вот до сих пор в ушах и шумит. Выждав еще минут пять, позвал своих и приказал:

– Тихон, иголки из кабеля – долой. Их там четыре штуки должно быть. Не фиг тут больше фрицам бегать. А мы сделаем по-другому. Ремонтники появились с той стороны и ушли к реке. Вот и мы пойдем туда же. Сейчас они проверят телефон, подкрутят контакты и, когда он заработает, пойдут обратно. Если пойдут одни, то берем их. Если опять толпой, то пропускаем и смотрим, что за точка возле реки стоит. Ну а дальше – по обстоятельствам...

Мужики план одобрили, и мы двинули к Днестру. Сначала резво шли вдоль немецкого провода, потом, прикинув по времени, отошли от него метров на тридцать влево и опять залегли. Минут через двадцать знакомая компашка протрусила в другую сторону. На этот раз они шли более плотной группой, некоторые даже курили на ходу. Было слышно, как худой эсэсовец лениво наезжает на армейцев, а те вяло отбрехиваются в ответ. Глистообразный фриц возмущался плохой работой немецких линейщиков. Зольдов ягдкоманды оторвали от обеда вечно всего опасаящиеся телефонисты, и теперь работники трубки получают заслуженную порцию возмущений за длинный пробег вхолостую. Похоже, ругать связь, причем по обе линии фронта, – дело привычное. Что наши, что немцы во всех своих бедах постоянно винят затурканных связистов. Это уже, наверное, традиция такая...

Выждав, когда голоса ругающихся смолкнут, двинули дальше. Идти пришлось недалеко. Роща, подходя к реке, заканчивалась и начинался пологий спуск, поросший редкими деревьями. А почти возле воды стояли три домика, сарай и деревянный причал. Залегши в кустах, принялись наблюдать за пейзажем, пытаюсь сообразить, кто же здесь расположился. Толком так ничего и не поняли. Во всяком случае идентифицировать шляющихся по берегу фрицев пока не представлялось возможности. Ну а где-то через час нашего лежания к причалу подошел катер, несмотря на небольшие размеры, вооруженный двумя пулеметами. На корме цветной тряпкой обвис немецкий флаг. Ну надо же, почти как настоящий корабль, даже с флагом. Наверное, патрульная посудина. Только я считал, что у них что-то типа базы должно быть, где они собираются на ночь. Интересно, этот чего сюда приперся? Хотя, может быть, здесь какая-то скрытая или промежуточная стоянка? Похоже, что именно так. Тогда, кстати, сразу становится понятным присутствие людей на берегу...

С катера тем временем ловко кинули веревку встречающему фрицу и тот быстренько привязал ее к брусу. Из домиков выползло еще четыре человека, которые пялились на швартовку. Спрыгнувший с посудины морячок помог встречающему и взмахом руки поприветствовал остальных. Потом, когда катер был надежно примотан к причалу, из него полезла оставшаяся команда. Еще пятеро, во главе с офицером. Сойдя на берег, главный мореман поручился с лейтенантом, стоящим на берегу, и все быстренько рассосались по разным местам. Офицеры ушли в дом, а солдаты, сначала выкатив из сарая несколько бочек, уволокли их на судно, а потом общими усилиями накрыли катер масксетями.

Я смотрел на это единение армии и флота с интересом. Вот ведь как они хорошо придумали. Вверх и вниз по течению тянутся камыши, и теперь их вооруженную лодочку сам черт не увидит. Да и дома так удачно стоят под деревьями, что их и с берега не очень-то различишь, не то что с воздуха. Так что, если бы мы не по полевке шли, проскочили мимо за милую душу, даже не подозревая о таком вкусном кусочке. Хотя, конечно, фрицев многовато будет... Наблюдая до самой темноты, насчитали вместе с моряками одиннадцать человек. Правда ночью, они в основном спать должны. М-да, резать сонных – занятие малопочетное, но будить их перед смертью – точно не будем. Надо будет – всех в ножи возьмем. Последний раз посмотрев на еле заметную фигуру часового возле катера, собрал мужиков для большого военного совета.

– Ну вроде все хорошо рассмотрели. Давайте предложения.

Гек высказался первым:

– Предлагаю идти часа через два, когда они уgomонятся. Сначала снимаем часовых на причале и возле сарая. Потом мы с Ильей идем к офицерам, остальные страхуют, готовясь закидать караулку и второй дом гранатами. Если все идет тихо, пленных оставляем Балуюву и вчетвером режем остальных.

Я покивал головой и оценил:

– Толково! Еще пожелания, замечания есть?

Женька, давно подпрыгивающий на месте, тут же влез с рацпредложением:

– А давайте корабль захватим! Это же насколько мобильность улучшится! Если что, на нем и к своим уйти сможем.

Народ только прыснул на эти слова, так что пришлось объяснить надувшемуся Змею:

– Первое – это не корабль, а катер. Второе – никуда мы на нем не уйдем, просто потому что этим катером никто рулить не умеет. Третье – карты проток у нас нет, поэтому заблудимся в момент, да и немцы этот катерок уже завтра усиленно искать начнут. И кстати, у тебя, что, по географии двойка была? Как ты на нем, вообще, думал к нашим выйти? Ладно, не отвечай. – Я махнул рукой загрузившему рационализатору и продолжил: – Поэтому действовать будем по плану Пучкова с единственным дополнением. У фрицев там не зря телефон стоит. Они регулярно связываются с остальными, показывая, что живы, здоровы и не спят на посту. Так что действовать начнем после очередного такого звонка. И разумеется – никаких гранат. Шум поднимать нельзя. Понятно?

Ребята закивали, после чего, оставив на стреме Тихона, эти два часа до налета все посвятили сну.

Тиха украинская ночь. Да уж... это Пушкин в своей «Полтаве» правильно заметил. Слышно только, как камыш шумит да часовой возле сарая перхает, а так – полнейшая тишина.

Смешанный сухопутно-речной личный состав перестал шебаршиться часа полтора назад. Офицеры затихли чуть позже. Отбегали в стоявший над водой сортир последние засранцы, и только фигуры часовых показывают, что здесь есть чего охранять.

Мы с Маратом, подобравшись поближе, напряженно вслушивались в темноту. Смена часовых была минут двадцать назад. После последнего тарактения телефона прошел почти час. Блин... непонятно, может, они ночью не проверяются вообще и зря мы звонка ждем?

Сарайный наконец перестал кашлять и медленно пошел вдоль длинной стены. Надвинув на лицо капюшоны, смотрели, как немец понуро бредет, засунув руки в рукава шинели и даже не глядя по сторонам. Винтовка болталась у него за плечом, и весь вид часового являл собой наглядное пособие, как не надо тащить караульную службу. Фриц медленно удалился в непроглядную черноту за сараем, и мы опять наострили уши в ожидании звонка. Правда, прозвучал он все равно неожиданно. Минут через пять в тишине услышали глухой зуммер. Пихнув в бок Шарафа, прошептал:

– Работаем.

Хан шустро пополз к стенке, а я продублировал приказ во включенную час назад и уже начинавшую садиться рацию. Выглянув из куста, увидел, как подсвеченный луной силуэт часового на мостках схватился за шею и начал заваливаться на бок. Упасть ему не дала стремительно метнувшаяся тень, которая утащила тело в сторону. Да и вообще – ликвидация часовых прошла как в немом кино. Без бряков и криков. Так же шумели камыши и журчала огибающая их вода, только вот фрицы стали теперь совершенно беззащитны. Как и было обговорено ранее, я расположился напротив входа в караулку, держа под прицелом и второй дом тоже, а три прозрачные фигуры метнулись в офицерскую хибару. Через несколько минут ребята появились, таща упакованных немцев к деревьям, возле которых их ждал Тихон. Сдав «языков» на попечение радисту, все вернулись обратно.

Гек, накручивая на ствол глушитель, радостно щерился, а Змей показал сразу два больших пальца. Ну понятно, понятно, все прошло хорошо, просто замечательно. Только сейчас не до разговоров и не до похвал. Потом все обсудим. Нам еще почти ползвода к праотцам отправлять надо, а после этого очень быстро отсюда убегать. Так что расслабляться не будем. Самое странное, кстати, что план, обговоренный и утвержденный вечером, пока не дал ни малейшего сбоя. Даже непривычно как-то. Обычно заранее продуманная схема операции начинает жить своей жизнью буквально с первых минут после ее начала. Значит, пока пруха идет, и мы тормозить не будем.

Махнув рукой второй паре, с Маратом двинул к караулке. Но не дойдя до нее шагов десять, опять услышали треск телефона и остановились. Да что они – издеваются? То часами звонка ждешь, то через каждые десять минут названивают. Только собрались идти дальше, как вдруг в помещении послышался шум, после чего дверь, ведущая на улицу, распахнулась, и появившийся на пороге немец заорал во все горло:

– Алярм! Алярм!

Во, блин! Я так растерялся, что даже не выстрелил в горлопанящего фрица, а, просто дав ему в бубен, перескочил через падающее тело и нырнул в дом. Там уже копошились проснувшиеся гитлеровцы, которые, похватав оружие, намылились выбежать наружу. Это даже не встречный бой получился, а какая-то бестолковая свалка. Автомат из-за спины вытащить не успевал, поэтому, сместившись чуть в сторону, чтобы дать пострелять и Шаху, гвоздил по очумелой немчуре из пистолета, самых прытких успевая еще и полоснуть ножом. За пять секунд расстреляв магазин, бросил пустой ствол и тесак на пол и наконец ухватился за ППС.

Только вот стрелять, похоже, было не в кого. В сизых клубах порохового дыма можно было разглядеть только лежащие в разных позах тела да перевернутые койки. Похоже, караул мы на ноль помножили. . . Вот эта парочка, лежащая рядышком в коридорчике, была бодрствующей сменой. Те, наваленные друг на друга в комнате подалее, – отдыхающая смена. А освещенный на стол и булькающий разрезом на горле, был разводящим. Начкар, наверное, лежит в той куче, что возле коек образовалась. . . Выходит, все здесь, теперь только надо глянуть, как там у ребят с остальными получилось. Бросил на ходу Марату:

– Контроль сделай.

Затем выскочил во двор. Наша молодежь не подвела, но как всегда отличилась. Женька, сурово хмуря брови, держал за шиворот невысокого немца в морской форменке. Ну вот, на хрена козе баян?! Зачем нам этот морячок нужен, когда два офицера уже на руках есть? Только собрался быстро и без проволочек дать транды Змею и пристрелить ненужного пленного, как под ногами зашевелился вырубленный мною паникерский телефонист.

Хм. . . еще один недобиток. Причем бдительный какой – в темноте разглядел незваных гостей и тревогу поднять тоже успел. Правда, это не помогло, но ведь чуть все не обгадил, гoblin глазастый. Успей караул выскочить, был бы бой. А в него нам ввязываться нельзя. Значит, пока бы мы их почикали, время упустили, и егеря могли упасть на хвост гораздо раньше запланированного. Хотя нет. . . фриц кипеж поднял сразу после телефонного звонка. Да и не стал бы он, увидев врагов, выскакивать прямо на них из дома. Чем же его так звонок перевозбудил? Присев возле глядящего на меня мутными глазами телефониста, крепко потер ему уши, а когда он слегка очухался, спросил, с чего он вообще орать начал?

Нет, все-таки люблю я связистов! Немец даже и секунду не думал запираяться, а тут же выложил, что их подняли по тревоге. Оказывается, волки из ягдкоманды гонят нашу разведгруппу и рассчитывают ее прижать к берегу, километрах в пяти ниже по течению. На этой стадии им потребуется помощь катерников для общей поддержки и чтобы русские не перебрались через реку вплавь.

Вот гадство! Если катер не придет, то сюда начнут названивать повторно и вся наша тихая операция пойдет насмарку. Можно, конечно, на том же катере попробовать перебраться через

Днестр и уйти на тот берег. Только вот как потом обратно переправляться будем? Да и как этим плавсредством управлять тоже вопрос. Не веслами же, тем более их у нас нет... Тут взгляд остановился на моремане. Тот так и продолжал висеть, придерживаемый за шкварник, лишь лицо помертвело.

Человек обычно чувствует, что его сейчас убивать будут. Некоторые, конечно, пытаются отогнать эту мысль, только вот этот фриц, похоже, себя иллюзиями не тешил и, увидев меня, сразу понял, что к чему. Подойдя к нему ближе, спросил:

– Ты на катере кем был?

Он, похоже, не понял вопроса. То есть смысл не дошел. Чтобы вывести немца из про-
страции, вlepил оплеуху и повторил:

– Ты служил стрелком, рулевым, механиком?

Ага, дошло! Подняв голову, пленный залопотал, что служил механиком и на этой войне вообще никого не убивал. Только с двигателем возился и все. Он, мол, и до войны обычным рабочим был. А в тридцать втором даже голосовал за Тельмана и до сих пор сочувствует коммунистам. Меня откровения социально близкого гитлеровца совершенно не заинтересовали. Они, как в плен попадают, через одного рабочие да сочувствующие, только вот вспоминают об этом, когда нож возле кадыка оказывается. А до этого, суки, до последнего за оружие держатся... но вот то, что он механик, совершенно меняет дело. Во всяком случае сможет прожить подольше, если будет правильно себя вести. Так ему и сказал.

Поклонник Тельмана моментально согласился сотрудничать с русской разведкой и преданно уставился на меня, ожидая дальнейших приказаний. Но тут же припахивать вынужденного союзника я воздержался, а пока приказал Змею тащить сюда офицеров. Сам с мужиками устроил блицсовет. Первым высказался Хан:

– На катере, конечно, уйти можно будет чисто. И ноги сбивать не придется. По пути фрицев в комфортной обстановке допросим. Все равно в этом районе после сегодняшнего, – он кивнул на домики, – ловить уже нечего. Так прочесывать все начнут, что если мы даже сами себе могилы выроем, найдут, выкопают и допросят. Да и наших, если получится выручить, здорово будет...

– Ты что скажешь? – Я посмотрел на Леху.

– Поддерживаю Марата. Пока будем вниз плыть – потрошим офицеров. Когда дойдем до места боя, попробуем забрать разведчиков и уходить по протокам. Там черт ногу сломит, так что хрен нас отловят.

Надуп щеки, я в задумчивости начал выдыхать. Ребят выручить – дело, конечно, хорошее. А если и нас хлопнут? Тогда выходит, что сразу две группы погибли зря. Хотя ночью сильно за нами не погоняешься... Даже если фашисты еще один катер вызовут, всегда можно будет просто к берегу пристать и его мимо пропустить. Маскеть-то снимать не будем, так что могут и не заметить. Особо ценных сведений у нас сейчас нет, а вот у диверсионной группы они вполне могут присутствовать. Их гонят с юга, причем приблизительно с того района, куда мы сами хотели идти. И район этот был – из перспективных. Один из пяти, где, по нашим прикидкам, можно мехкорпус разместить. Еще один мы сами осмотрели – там пусто было, так что, может, ребятам повезло...

Единственно, как с бойцами на берегу связаться? Они ведь в такой плавающий дар небес ни за что не поверят.

И что рация у них выключена, так это и к гадалке не ходи. Только нас увидят, моментально начнут войну на два фронта. Обидно будет им, доказывавшим, будто они все еще в конце тридцатых от своих пулю могли получить. М-мм... хотя на каждой плавучей лайбе рупор должен быть. Глядишь, докричатся и получится. Ну а на нет и суда нет... Не поверят, будем уходить сами, но уже с чистой совестью.

Тут притащили офицеров. Они уже очухались и семенили стреноженными ногами, подгоняемые тычками пацанов. Глянув на отсвечивающую наливающимися фингалами немчуру, сказал Козыреву:

– Ну что, Змей, сбывлась твоя мечта. Хотел на лодочке покататься, вот тебе целый корабль. Плыви хоть до океана! – И, обращаясь к остальным, добавил: – Идем на катере. По пути допрашиваем офицеров. Если они что-то про африканских воинов знают, Балувев растягивает антенну и тут же дает доклад. Ну а мы просто уходим дальше, мимо боя и продолжаем колоть пленных. Если с офицерами выйдет облом, то пробуем подобрать ребят, которых возле реки зажали. Если не получится, то идем вниз по течению, после чего, под утро, высаживаемся на берег и рвем когти в сторону Грудовца. Там осмотримся и будем думать, что делать дальше. Ну что притихли? Грузимся!

Я махнул рукой, и все сразу зашевелились. Дернув за рукав намылившегося было уходить Пучкова, глазами указал на сидящего возле крыльца телефониста. Леха кивнул, доставая пистолет, а я, зацепив второго пленного, пошел к катеру. По пути к мосткам коротко обрисовал механику его дальнейшие перспективы. У морячка было два пути. Либо он нам помогает и у нас все получается, после чего простой германский рабочий получает пенделя под сраку и летит на свободу ясным соколом, либо у нас не получается, тогда разговоры о продолжении его жизни можно считать бессмысленными. Фриц при звуке тихого хлопка за спиной втянул голову в плечи и на полном серьезе пообещал молиться за нашу удачу, попутно прилагая все силы для ее осуществления. После чего воодушевленный перспективой дальнейшего земного существования, сопровождаемый Женькой, нырнул куда-то в нутро катерка.

Я отвязал посудину от причала и под шум застучавшего двигателя запрыгнул на борт. В принципе, кто будет рулить нашим плавсредством, вопросов уже не возникало. Марат, у которого была масса родственников и среди них даже один капитан речного буксира, вызвался встать за штурвал. В детстве этот родич его пару раз брал на борт, и Шараф сказал, что кое-что помнит. Ну и флаг в руки. Мы же с Геком развели «языков» на корму и на нос, после чего принялись вдумчиво допрашивать.

Доставшийся на мою долю лейтенант, в морской тужурке, сильно не запирался. Избегая смотреть в глаза, он исправно давал ответы на вопросы, попутно крутя головой, пытаясь отогнать набившихся под масксеть комаров. Получалось фигово. Связанные за спиной руки не давали развернуть полномасштабное уничтожение летающих гадов. Поэтому немец давил их плечом и отвечал, отвечал, отвечал... Да, он является капитаном малого патрульного катера Днестровской флотилии Куртом Меером. Да, у флотилии ввиду непрерывных и все нарастающих бомбежек русской авиации нет постоянной базы. Да, все суда флотилии рассредоточены по схронам. Нет, он не видел никаких танков или другой техники, в больших количествах перегоняемых на левый берег. Он вообще никакой техники, кроме своего катера, уже давно не видел. Может, что-то и гнали по мосту, но его зона патрулирования заканчивается в десяти километрах, не доходя до переправы.

В общем, глухо все с этим морячком... ладно, пробовали по-хорошему, теперь будем по-плохому. Достав нож, посмотрел на лезвие, а потом на вытянувшуюся морду летехи. Ударом в живот согнул пленного и, ухватившись за палец на связанной руке, приложился к нему отточенным острием. Фриц завопил так, как будто я у него руку оттяпал, хотя даже мизинец чиркнуть не успел. Рывком разогнув блажившего, упер кончик лезвия под нижнее веко и, приблизив лицо вплотную, чуть не по слогам сказал:

– Ты знаешь очень мало. А теперь скажи, почему я тебя сейчас на кусочки порезать не могу?

Готово. Поплыл морячок... Глядя на меня расширившимися глазами и не пытаясь вытереть бегущую из ранки под глазом кровь, он, захлебываясь, рассказывал, что четыре дня назад встретил своего однокашника. Тот на берегу служит и при встрече проставился «Кайпирин-

хой». Так называлась премерзкая на вкус египетская водка. А досталась ему эта бутылка от еще одного знакомого, который выиграл ее в карты, польстившись на экзотику. Третий, у которого был выигран пузырь, говорил, что это презент от офицера из африканского корпуса. Причем получил он этот презент на вокзале в Тирасполе.

Б-ррр... я даже головой помотал. Биомать! Эта бутылка проделала путь не меньший, чем малиновое зернышко, которое после бурной ночи обнаружил у себя в зубах поручик Ржевский! С одной стороны, бутылку можно считать зацепкой. И довольно осязаемой. Там был нож. Здесь эта «Кайпиринха». Так что первые выводы уже получается делать. Пленный-то не знал, что я именно корпусом Роммеля интересовался, поэтому и не смог бы настолько хитро соврать... Так что процентов на шестьдесят можно говорить, что «Львы пустыни» на наш участок прибыли. Только вот где эти суслики барханные заныкались? С какой стороны удара ждать? Пока непонятно...

Привязав пленного под кормовой турелью, отправился посмотреть, как идут дела у Гека. Из-за этой чертовой масксети, что мы так и не сняли, чуть в воду не свалился, но благополучно прибыл на нос, по пути глянув на стоящего у штурвала Шаха, который с самой серьезной мордой гнал катер по лунной дорожке, держась подальше от берегов. Вырезанный напротив стекла рубки кусок маскировочной сети бился по ветру, как парус. Я мимо такого феерического зрелища молча пройти не мог:

– Маратик, если тебе отрубить ногу и выбить глаз, то ты будешь вылитый адмирал Нельсон и Джон Сильвер в одном лице. Но смотри, врежешься в берег, быть тебе слепым Пью до скончания века! Поменяем твой позывной сразу. Ты знаешь, за нами не заржавеет!

Шах, не отрываясь от руля, ласково послал остряка в жопу и пригрозил вздернуть на рее, после чего я с чистой совестью подошел к Пучкову. Тот, при виде командира, только головой покачал. Тоже выходит – глухо. И хоть морду своему он неплохо раздербанил – фриц, судя по намокшим штанам, даже описался, но ничего так и не смог выяснить. Второй лейтенант, оказывается, в этой глухомани уже месяц безвылазно сидел, и только визиты моряков слегка скрашивали серые будни. М-да... непруха...

Тут вдалеке, над водой, пронеслась очередь из трассеров. Красноватые огоньки, пролетев дружной стайкой, погасли где-то на правом берегу. Оба-на! Похоже, подходим. За стуком двигателя стрельбы пока не слышно, но таким темпом минут через пять будем на месте. Теперь детских познаний Шарафутдинова не хватит, чтобы катер на одном месте удерживать. Пора решать – будем наших выручать или все-таки пройдем мимо?

Несколько секунд подумал, цепляясь за ограждение борта, а потом махнул рукой. Сейчас уйду – мужики ни слова не скажут, но сам себе такого забыть не смогу. Сведения, которые получил от офицера, слишком расплывчатые, поэтому будем считать, что их у нас толком и нет. Поэтому разведгруппу попробуем вытащить. Дойдя до связанного Курта, опять достал нож, от вида которого он сжался, и, разрезав веревки на руках, рывком поднял пленного. Меер, видно, подумал, что сейчас я его – по горлу и в колодец, поэтому стоял с закрытыми глазами. Вернуть бывшего речного капитана к жизни получилось одним вопросом:

– Лейтенант, ты жить хочешь?

Моряк удивленно уставился на меня и кивнул.

– Если ты сейчас четко будешь выполнять мои требования, то я тебя отпущу. Слово офицера.

– А что надо делать?

– Просто управлять катером. Там впереди идет бой. Наша задача забрать с берега разведгруппу и уйти отсюда подальше. Ближе к утру мы тебя высадим, а сами поплывем дальше. И учти, морячок, я словом офицера не разбрасываюсь, так что на размышление тебе десять секунд.

Курт честно промолчал все десять секунд и согласился. Видно, очень не хотелось отправляться за борт, на корм сомам. Передав пленного Шаху, который с неудовольствием отошел от штурвала, поинтересовался, есть ли у них рупор. Как я и предполагал, дедушка мегафона на кораблике присутствовал. Зацепив жестяное чудо, рванул к кормовому пулемету. Слегка поработал ножом, выпутывая его из масксети, и, заправив ленту, приготовился к драчке.

Гек занял позицию у носового МГ, а катер по большой дуге стал заходить к берегу. На крыше рубки зажегся небольшой прожектор, который высветил камыши и кусты на берегу. Людей пока не видно, но и до места боя еще метров двести плыть. Пару минут было тихо, слышна была только трескотня автоматов да пулеметов, а потом с берега саданули очередью и мы как-то сразу оказались в центре событий.

Прожектор светил куда-то в лес, и Леха включился в работу. Поливая короткими, злыми очередями только ему видимые цели, он азартно матерился, заставляя меня завистливо подпрыгивать на месте. Катер подходил носом, поэтому с кормовой установки работать было не с руки. Но ничего, сейчас он развернется против течения, и я тоже поучаствую. А пока ухватив рупор, надсаживаясь, начал орать:

– Мужики, мать-перемать, здесь Колдун, здесь Колдун! Катер наш! Катер наш! Сейчас подойдем к берегу, готовьтесь к посадке! Мы отсечем фрицев пулеметами! Здесь Колдун! Му....

Тут я сорвал голос. Прокашлялся и уже гораздо сильнее продолжал верещать дальше:

– Суки! Вы же, прендегасты, по своим мочите! Здесь Колдун! Маму вашу через семь коромысел!

С берега сквозь стрельбу донесся голос:

– Кого на прошлой неделе прокуратура арестовала?

О! Похоже, услышали и теперь проверяются. А на той неделе мужики из 6-го отдела СМЕРШ действительно забрали замполита сто семнадцатого полка, за то, что этот мудака, пользуясь отсутствием командира, решил сам порулить подразделением и угробил почти целый батальон. Этот козел слабоумный орден решил получить внепланово, вот теперь ему самому вышка в полный рост светит.

А сама история в узких кругах получила широкую огласку. Так вопрошавшему и прокричал в ответ:

– Замполита сто семнадцатой! Слышите?! Замполита!

– Поняли! Прикрывайте, ребята!

Катер уже стал носом против течения, и работать могли обе пулеметные установки. Прожектор светил нормально, только вот в кустах все равно ни фи́га видно не было, поэтому стал стрелять по вспышкам выстрелов.

Ага! Не ндравится! Сразу в нескольких местах из леса стартанули красные ракеты. Ха! Это немчура судорожно свои позиции обозначает. Вот они, наверное, недоумков катерников кроют, которые с целями разобраться не могут и поэтому активно сокращают поголовье ягдкоманды. Кстати, даже если фрицы мои вопли и услышали, то за шумом пальбы наверняка толком не разобрали, что же я ору. Тем более призывы на русском перемежал предложениями о сдаче по-немецки. Патрульник уже подошел к самому берегу и остановился метрах в десяти от камышей.

Почти сразу с небольшого обрывчика кубарем скатились три фигуры, с размаху плюхнувшись в воду. Я одним глазом следил за ними, продолжая работать почти без перерыва, молясь, чтобы пулемет не заклинило. Гек со своей стороны тоже не отставал. Загонщики, похоже, стали понимать, что все пошло как-то не так, и по катеру начали активно шлепать пули. А вот вам в ответ, не хотите?! Блин, видно не хотят, потому как по бронешитку со звоном защелкало. Но Балувев уже помогал пловцам взобраться на борт. Потом он крикнул:

– Все, больше никого не будет!

И катер, взревев мотором, начал разворот. С берега по нам продолжали вести огонь, и мы постреляли еще пару минут, после чего, развернувшись по течению, так надали, что почти сразу проскочили за небольшую излучину, которую в этом месте делала река. Все... теперь можно посмотреть, кого мы вытащили.

А спасти получилось даже не ребят с терроргруппы, а шустриков из глубинной разведки. Вроде даже одного из них в штабе фронта видел. Имени не знаю, но морда – точно знакомая. Когда я подошел на нос катера, они мокрыми лягушками развалились на крохотной палубе, перед рубкой и пытались отдышаться.

Старший, со знакомой физиономией, при виде меня тяжело поднялся и, протянув руку, представился:

- Армейская разведка. Позывной Кубик, звать Слава.
- Вольный стрелок. Позывной Колдун. Звать Илья.

Небольшого роста, но крепко сбитый, с ломаными ушами борца Слава только ухмыльнулся:

– Слышал я про Колдуна. Да и живьем тебя видеть доводилось. Ты с каким-то майором у нас оберста забирал месяца два назад.

Действительно, мы с Серегой как-то у ГРУшников немецкого полковника для беседы одалживали. Колычев еще нас упирал – мол, армейцы скоро генералов начнут таскать, а мы ему все какую-то шваль подсовываем... Точно, там я Славку и видел! Только мельком. Тогда ведь все больше с их старшим – Марковым – дела имели. Но вот острохарактерные уши я запомнил, поэтому и узнал сразу. Кубик, обращаясь уже ко всем, продолжил:

– А вообще, мужики, слов нет – с того света нас вытянули. Если бы не вы, всех бы эсэсовцы на том берегу положили, это к гадалке не ходи. Я, как катер увидел, подумал – все... Уже и гранату приготовил... А тут вдруг позывной знакомый с него орать стали... Как вы тут вообще оказались?

- Долго рассказывать. Ты лучше скажи – вас вхолостую гоняли или что-то нарыть смогли?
- Еще как смогли!

Разведчик вытащил заткнутую за ремень планшетку и, достав мокрую карту, осторожно расстелил ее на каком-то железном ящике, присобаченном к палубе, приказав:

- Палатку!
- Стоп!

Я тормознул его бойца, готового накрыть нас капающей плащ-палаткой, и, забрав сей сухой девайс у Лехи, накрыл нас, включив фонарик. Кубик на это смущенно хрюкнул:

– Извини, не подумал... Ладно, смотри сюда. Вот здесь и здесь танки стоят. Численностью до дивизии. Тут их панцергренадеры. За Ракутами мотопехота, сколько – сказать не могу. Больше ничего не успели посмотреть. Там патрулей, как блох на собаке.

- Языка брали?
- Какой на хрен язык? Не было такой возможности. Все обнаружили путем визуального наблюдения.

– Да ну на фиг! Вы там что – на воздушном шаре летали?

Мокрый Славка умудрился гордо приосаниться, даже стоя раком под брезентом.

– Сначала с деревьев наблюдение вели. Выбрали, какое повыше, и осмотрелись...

– И много вы с дерева насмотрели? Там только один вид мог быть – на соседние верхушки...

– Не скажи... вчера давление какое было?

Я пожал плечами, буркнув, что не барометр, давление определять. Разведчик, многозначительно подняв палец, протянул:

– Во-от... высокое давление было. Вспомни – душно и виски ломило. Мы так прикинули, что такая куча войск в лесу что-то жрать должна. Немцы порядок во всем любят и на сухпае

долго сидеть не станут. Куда же они без утреннего кофе? Тем более у себя в тылу. Значит, кухни полевые будут работать. При других раскладах дым от этих кухонь просто рассеивался. А тут он блинами над деревьями висел. Мы Гришку на дерево загнали, он и отсмотрел, есть ли дым вообще и где он скапливается. А потом потихоньку, где ползком, где перебежками, подобрались поближе и начали наблюдение. Гансы, оказывается, технику всю масксетями закрыли, ту, что под деревьями не поместилась. Под копы замаскировали. Следы от танков дерном прикрывали. И танки у них серьезные. Помимо «троек» и «четверок», много «пантер». Сколько, с уверенностью сказать не могу, но двенадцать «кошек» видел точно. Мы ведь там почти сутки ползали незамеченными. Только все равно плохо дело кончилось. – Славка помрачнел. – Двоих ребят потеряли. Ваську-радиста сразу срезали и рацию разбили. А Степана уже здесь, на берегу... Правда, при такой плотности патрулей вообще чудо, что нас раньше не обнаружили....

Я выключил фонарь и, скинув накидку, выпрямился:

– Вечная память ребятам. И спасибо тебе за науку. Про дым даже и не думал... А маркировку на «коробочках» не срисовал?

– Обижаешь... новенькие это. Треугольник с тремя точками на нескольких «четверках» разглядел хорошо.

М-да... еще бы знать, как Роммелевская часть отмаркирована, цены бы нам не было...

– А танки не желтые?

Спросил и сразу пожалел. Необычный цвет танков Славка в первую очередь бы отметил. Просто очень уж хотелось стопудовое подтверждение нашим домыслам получить....

– Нет, обычный цвет. Только они в основном свежеекрашенные. Или просто новая техника, или на старую здешний камуфляж нанесли. Так что это вполне могут быть те самые африканцы, которых мы ищем. А что – все сходится. Его нестандартный корпус переформировали, подкинули тяжелых танков и перебросили сюда.

Кивнув, соглашаясь с доводами разведчика, махнул рукой Тихону, который, высунувшись из люка, общался с остальными мужиками:

– «Маркони», связь давай!

Сам, достав шифроблокнот, уселся составлять донесение. После того как Тихон растянул антенну, связавшись с нашими – выдал весь расклад, указав квадраты базирования, собственные наблюдения и выводы. Упомянул и про бутылку, и про свежую краску, и про немалое количество патрулей с секретами в этом районе. Так что теперь пусть полковник думает. Как по мне – даже если это и не Роммель, что очень маловероятно, то все равно такая масса вражеских войск, нависающая над нашим правым флангом, заставит срочно пересмотреть планы командования. Плохо, что самолеты сюда послать нельзя... Зениток здесь под каждым кустом наткано по несколько штук, а то бы они в прах разнесли все, что в этих квадратах сосредоточено.

Разведчики, пока я говорил с нашими, уже слегка обсушились и теперь всю закусывали немецкими консервами, найденными тут же на катере. Леха мимо жора тоже не прошел и наворачивал, как будто три дня не ел. Змей, кстати, от него не отставал совершенно. Еще один желудок на нашу голову. Молодой, блин, растущий организм.

Глянув на активно жующих мужиков, обратил внимание, что второй пленный исчез.

– Гек, твою дивизию! Где фриц?!

Пучков помахал рукой с зажатым в ней ножом и, с трудом проглотив кусок, ответил:

– Его, когда обстрел был, кокнули. Я «языка» от турели не отвязывал, вот летеха и нарвался. После боя глянул, смотрю – ужедохлый, поэтому труп за борт скинул...

Ну и черт с ним, а то вначале опасение взяло, уж не смылся ли офицер под шумок. Тут меня свистнул Марат:

– Илья, немец говорит, что километра два дальше по течению место стоянки еще одного катера их флотилии. Что делать будем?

Глава 6

...Исключительная оптика стоит на «Типе 5», как еще называют «пантеру». Колонна, выползающая из-за поворота, была отлично видна. Не включая привод, осторожно подкручивал рукоятку горизонтальной наводки, неотступно следя за «Т-4», идущим впереди длинной механической гусеницы, которая непрерывным потоком тянулась на запад. В стволе уже покоился подкалиберный снаряд, и я ждал только готовности Славки. Наконец в шлемофоне зашипело и он сказал:

– Готов. Выбрал бензовоз в конце.

На ощупь найдя тангенту, нажав на нее, отдал приказ:

– Тогда начнем! Гаси их, ребята!

И притопил кнопку электроспуска на рукоятке маховика подъемного механизма орудия. Танк вздрогнул от выстрела, и шедшая метрах в семистах четверка, споткнувшись на ходу, встала. Есть контакт! Сам не ожидал, что из незнакомой техники с первого раза попаду. Видно, не зря в свое время два года танкистом оттрубил. И хоть расстояние до колонны было небольшое, но от такого выстрела моментально загордился, тем более что Славка в свою колымагу вначале промазал. Глядя на постепенно разгорающуюся «коробочку», крикнул, не отрываясь от налобника:

– Подкалиберный давай!

Заряжающим в моей «пантере» был человек Кубика. Крепкий парень, с бритой наголо башкой и странным именем Зосим. Правда, он охотнее откликнулся на кличку «ЧТЗ». Почему мужика обозвали целым тракторным заводом, я не вникал, но как заряжающий он меня вполне устраивал. Во всяком случае за те полчаса, что прошли после захвата этой пары танков, ЧТЗ достаточно хорошо изучил свои новые обязанности. Поэтому сейчас, не мешкая, заслал новый снаряд в ствол. На маркере прицела была следующая «четверка», которая почти уткнулась в подбитый танк и теперь пыталась развернуться навстречу опасности. Не успела... Вторая гильза, зазвенев, упала в приемник. Сбоку, под командирским креслом пшикнул компрессор, и еще через секунду услышал встревоженный голос Зосима:

– Командир, здесь что-то шипит! Не рванет?

– Не бойсь! Это компрессор – он и должен шипеть. Следующим заряжай – осколочный!

– Я уже подкалиберный сунул!

– Блин, не тормози! Я сказал, после этого пихай осколочный!

– Понял!

Благополучно загнав снаряд под башню третьему танку, занялся пехотой. Фрицы, выпав из остановившихся грузовиков, быстренько сориентировались и теперь пытались подойти поближе. Причем намерения у них были самые недружелюбные. Ну еще бы. Они организованно драпали от наступающих им на пятки советских войск, а тут такой облом!

Басовито застучал МГ, установленный на шаровой опоре. Это Марат за дело взялся и теперь поливает от души. Бегущим вдалеке фигуркам пулеметный огонь сильно не понравился, и они начали залегать, а после пары фугасных вообще стали оттягиваться к лесу. Тем временем я продолжал стрелять с переменным успехом – когда мазал, когда попадал, но вот после десятого или одиннадцатого выстрела у нас тихо сдох компрессор и боевое отделение сразу наполнилось пороховой вонью из выпавшей гильзы. Твою маман! А ведь в наш танк даже ни разу не попали! Понравившийся мне «Тип 5» сразу резко разонравился. Угорим ведь сейчас, как пить дать! Зосим тоже заволновался:

– Эй, тут шипеть перестало и воняет!

Во сказанул! Или он так прикалывается? Оторвавшись от прицела, глянул на заряжающего. Нет, ему явно не до смеха. Вон как трет слезящиеся глаза. Поэтому, криво ухмыльнувшись, подбодрил начинающего танкиста:

– Блин, ЧТЗ, обычно наоборот происходит – пшикнет и воняет, а у тебя все не как у людей. Но ты соображай быстрее. От стреляных гильз надо как-то избавляться. Еще пара выстрелов и нам трындец!

Беспокойно крутящийся на своем месте разведчик после моих слов ускоренно начал шарить вокруг и через несколько секунд обрадованно помахал парой безразмерных верхонок, которые извлек из-за спинки сиденья:

– Командир, я тут перчатки нашел кожаные...

– Во! Нормально! Теперь хватай гильзы и на фиг их из башни. Понял?

– Так точно!

М-да... не зря тут эти рукавицы лежали. Знает немчура слабые места своей техники и заранее готовится их ликвидировать. Это как на Т-72 – автомат заряжания выходил из строя после третьего выстрела. Почему так получалось – не знаю, но вот после трех снарядов его все время клинило. Причем на всех учебных танках, из которых доводилось стрелять. Мистика просто какая-то. И тогда командир начинал использовать досыльник по своему прямому назначению. Все другое время этой короткой дубинкой обычно лупили по башке нерадивого наводчика.

Вот и фрицы перчаточки, выходит, подготовили загодя, чтобы руки раскаленными гильзами не обжигать. Вообще, миф об исключительной надежности немецкой техники по большому счету остается только мифом. Наши танки тоже несут большие небоевые потери, но мы, во всяком случае, не звездим об их высочайшем качестве. А я уже столько видел брошенных из-за поломок и подорванных своими же экипажами гитлеровских коробочек, что не верю никому. Помню, в Интернете в свое время читал про супергрозные, неуничтожимые и охренительно надежные германские танки, доверчиво хлопая ушами, как последний лох. Теперь меня на этот понт не взять... Мы и эти две «пантеры» смогли захватить исключительно потому, что их экипажи пытались что-то подшаманить в двигателе одной из них. Хотя, наверное, надо по порядку...

* * *

После слов немца о втором катере я, почесав репу, приказал припарковать нашу лодочку в густых камышах, на правом берегу реки. И не прогадал. Можно, конечно, было попробовать, заглушив двигатель, проскочить по течению мимо стоянки патрульника, но прикинув, что сейчас творится на берегу, передумал. Загонщики из ягдкоманды наверняка успели пожаловаться всем кому можно, что уже практически взятые в плен русские диверсанты были нагло уведены у них прямо из-под носа. Причем дело не обошлось без головотяпства речников, которые сдуру дали себя захватить. Воочию представив себе наезды раздосадованных эсэсовцев на катерников, я прикинул, как быстро сейчас последние начнут шевелиться, и не ошибся. Только-только успели зайти в камыши и спрятаться под нависающими над водой ивовыми ветками, как мимо нас пронеслась гитлеровская посудина. При взгляде на нее складывалось такое впечатление, что прожектор с рубки пытался светить сразу во все стороны. И вперед и по берегам. Выждав, когда суетливая немчура уберется подальше, приказал рулить вперед.

Мимо стоянки второго катера прошли на цыпочках, заглушив движок и даже не разговаривая. Если бы там был прожектор, просто светящий поперек реки, дело могло кончиться очень плохо. Но прожектора не было, зато было слышно, как на берегу громко переговаривались солдаты. То есть разговаривали они нормально, просто над водой звук далеко разносится.

Продрейфовав мимо этого разворошенного муравейника, дали малый ход, только отплыв километра на два ниже. А уже под утро в одной из протоков нашли шикарное место для стоянки. Там были очень удачно растущие прямо возле обрывистого бережка кусты, рядом с которыми мы и спрятались. В предрассветных сумерках, нарубив веток, напихали их в ячеи масксети, еще лучше замаскировав катер, и теперь издали он ничем не выделялся от остального прибрежного пейзажа. Попутно оглядели округу, пытаюсь сориентироваться. Получилось довольно хреново. В смысле привязки на местности. Поблизости ни одного более-менее толкового ориентира не наблюдалось. Немецких укрепрайонов тоже не было. Они остались выше по течению, там, где местность менее заболочена и есть рокадные дороги. Правда километрах в двух нашли проселок, но, судя по следам, им сто лет никто не пользовался. Во всяком случае, после последнего дождя тут никто не ездил. Людей, вероятно по случаю раннего времени, тоже не было.

В общем, покрутившись часов до восьми утра, убрались на свой катер, так как уже просто валились с ног. Зато вечером народ, отоспавшись и отожравшись, был бодр, весел и глядел орлом.

Перед отплытием опять вышли на связь с Колычевым. Он приказал не дергаться с переходом линии фронта, а выходить в квадрат 24–30 и там, затаившись серыми мышками, ждать подхода наших войск. Обещал, что дня через четыре туда должны подойти танки Павленко. Если вдруг что-то пойдет не так, то действовать по обстоятельствам.

Блин, это значит опять в «могиле» отлеживаться, фрицев через себя пропускаю. Как я это не люблю... «Могила», это типа узенького окопчика, очень хорошо замаскированного. Мы так в начале войны делали, когда фрицы перли. Далеко не всегда ведь самолетом заброска была. А через нейтралку ползать, удовольствие еще то... шансов пятьдесят на пятьдесят. Если же «могилу» нормально приготовить, то по ней взвод солдат может пройти и ничего не заметить. А ты дождешься, когда войска дальше продвинуется, и по темноте выползаешь из земли эдаким Дракулой Задунайским уже в тылу у немцев.

Можно и сейчас так сделать. Отрыть щель под каким-нибудь кустом, замаскировать и ждать, когда гитлеровцы откатятся. Конечно, не сразу внутрь залазить, а то охренеешь там лежать. Нырнуть туда в последний момент можно, когда понятно станет, что вот-вот фрицы мимо побегут. Тем более, копать есть чем – на катере лопаты есть. Ими с немецкой педантичностью снабжены два пожарных щита. На хрена они на этом корыте, мне, конечно, не понять. Воды вокруг – целая река, но вот положено иметь пожарный щит с багром, ведром да лопатой – вынь и положь! И если с ведром и багром еще можно как-то смириться, то вид лопаты поставил меня в ступор. Они что, при пожаре ею воду плескать будут?

Правда, нам это соблюдение порядка только на пользу. А то финками окапываться очень несподручно. Но все равно, думаю, «могилы» будем рыть только в крайнем случае – если ничего больше подходящего не найдем. Уж очень в них отлеживаться стремно...

Ночью пробрались мимо еще двух точек базирования речных катеров, и Меер виновато сказал, что дальше их зона ответственности заканчивается. То есть он просто не знает, что впереди делается. Знает только, что там дежурит третья группировка, но где и как, лейтенант был не в курсе. Поэтому привычно пристав к берегу и сменив пожухлую маскировку, опять остановились на дневку.

Вообще пока дела идут нормально. Ноги не сбиваем, на хвосте никого нет, тем более что от места эвакуации ребят с армейской разведки отмахали, наверное, километров тридцать как минимум. Так что здесь искать нас точно не будут. А ближе к вечеру состоялся разговор с потерявшим всякую надежду остаться в живых пленным мореманом. Если в первую ночь он еще выглядел бодрячком, то сейчас поник и пал духом. Поэтому, когда пригласил его на нос, он только вздохнул и, не поднимая головы, двинулся в указанном направлении. Я же, достав листок и карандаш, протянул ему, приказав:

– Пиши.

Меер удивленно уставился на меня:

– Что писать?

– Документ о сотрудничестве. Я тебя обещал не убивать, обещание свое сдержу. Но и мне страховка нужна, поэтому пиши – «Я, лейтенант Курт Меер, командир катера номер 027 Днестровской речной флотилии, как человек, горячо сочувствующий коммунистическому движению...»

На этих словах фриц изумленно уставился на меня. Пришлось сдвинуть брови и уточнить:

– Не понял? Что-то не так?

– Нет-нет, продолжайте...

Пленный поспешно опустил голову и приготовился писать дальше.

– Так вот... «Сочувствующий коммунистическому движению, выражаю желание сотрудничать с советской военной разведкой...» – Я заглянул, что он там корябает. – Советской с большой буквы пиши... ага... «...и готов выполнять все приказания, исходящие от Советского командования». Теперь ставь число и подпись.

Забрав листок, просмотрел каллиграфическим почерком написанную расписку.

– Молодец. Только есть еще одно дело. Там, внизу находится человек из твоей команды. Механик...

Лейтенант кивнул:

– Фриц Штаух...

– Пусть будет Фриц. Так вот – сам решай. Или он пишет такую же расписку и мы вас отпускаем обоих, или, если тебе свидетели не нужны, ты уходишь один...

– А Штаух?

– А Штаух с дыркой в голове отправляется на дно.

Для себя же решил, если сейчас бывший капитан этой посуды проявит гниль и захочет избавиться от свидетеля, то, невзирая на данное слово, валю обоих. Правда, Курт приятно удивил. Даже не задумываясь, он тут же согласился на присутствие очевидца своего предательства, лишь бы их отпустили вдвоем. Я только кивнул и приказал вытащить из машинного отделения второго немца.

Механик расписку о сотрудничестве написал без звука, а когда рассказал ему о нашем разговоре с лейтенантом, неожиданно бросился лобзать тому руку. Меер смущенно вырвался и на всякий случай спрятал руки за спину. Тем временем Гриша, который уже достаточно хорошо наблатыкался в машине, завел ее и мы начали медленно отваливать от берега. С деланным удивлением, показав речникам на удаляющиеся кусты, сказал:

– Товарищи, чего вы ждете? Всем спасибо, все свободны!

Немцы врубались недолго. Наверное, меньше пары секунд. А потом рванули так, мне даже показалось, что механик этот десяток метров до суши преодолел одним прыжком. Только ветки закачались, и через минуту бывшие пленные исчезли из виду. Кубик, глядя им вслед, сожалеюще сказал:

– Зря ты их отпустил. Они ведь сразу нас выдадут и расписки твои их не остановят. А так бы кокнули и больше никаких забот...

– Тут, Слава, видишь, как дело было... Я лейтенанту слово офицера дал. Сильно прищипило, вот и дал. И люди мои это слышали. Можно было, конечно, его пришить, но как-то хреновато бы вышло... да и самому перед собой тоже... Понятно, что война, вот только окончательно стервенеть не хочется...

Разведчик удивленно посмотрел на меня, но потом подумал и кивнул, соглашаясь. Помолчали, глядя на почти скрывшийся в темноте берег, и тут Гек пригласил народ на предмет пожать.

– Ну что разведка. – Я пихнул Кубика в плечо. – Пойдем, порубаем по-человечески. Когда еще придется спокойно поесть... Теперь нам гонки с препятствиями предстоят, да все на своих двоих!

И мы пошли к импровизированному столу.

* * *

Про гонки я как в воду глядел. Спустившись еще километра на три ниже по течению, мы, пристав к левому берегу, покинули катер, предварительно в последний раз его замаскировав. Пускать на дно как-то жалко было, а в этом месте его фиг кто найдет. Потом полночи шли, сначала по редколесью, а потом вообще по степи. К утру замаскировались и завалились отдыхать. На следующую ночь вышли в заданный квадрат. А с утра началось...

Разбившись попарно, наша сборная команда разбежалась обследовать окружающую обстановку. Мы с Маратом отсмотрели неплохо сохранившуюся деревеньку километрах в пяти от нашей лежки. Немцев в ней не увидел, зато обнаружил полицаев в количестве пяти штук, спешно грузивших какие-то узлы на телеги. Погрузившись, они взгромоздились на свой транспорт и убыли в сторону Пергино. Больше ничего интересного не происходило, и, пронаблюдав еще пару часов, вернулись обратно.

Там собрались все, не хватало только Гека с Женькой. Но наверное, скоро и они подтянутся. А пока я выслушал армейцев, которые доложили результаты своих наблюдений. На юго-востоке от нас была еще одна деревня, занятая фрицами. По прикидкам разведчиков – нестроевыми тыловиками. Зато про северо-восток Славка рассказал интересную вещь. Там проходила широкая дорога, причем, выныривая из-за холмов, она спускалась вниз и поворачивала. При этом с одной стороны ее подпирала довольно густо росшие деревья, а с другой – длинный овраг с крохотной речушкой. Показывая это на абрисе, зарисованном в листочке из блокнота, он возбужденно говорил:

– Смотри – вот тут болотце. Здесь овраг. Идеальное место для засады. Дай колонне втянуться вдоль этой речки, и можно расстреливать ее как хочешь! Несколько ПТО и танкам капут.

– Действительно, очень похоже – наши тут пойдут...

– А что – место удобное. Не все, конечно, но хоть один батальон да сунется по такой хорошей дороге.

– Ну да, а тут фрицы им в борт... Короче, что предлагаешь?

Кубик почесал стриженую макушку и выдал:

– Вот тут, метрах в пятистах, есть отнорок от оврага. Намертво кустами заросший. Можно там расположиться. А то в «могиле» как-то... – Он передернул плечами. – Зато оттуда наблюдать сможем. Увидим, что немцы засаду устраивают, наших предупредить всегда сумеем. По оврагу проскочим до поворота, и дальше уже можно низинкой к лесу уйти. Не будет засады – просто спокойно отлежимся. Туда не одна сволочь не сунется. Кусты уж больно густые и колючие. Да и вода там, кстати, есть.

Про воду он правильно заметил. Хоть и конец сентября, а жара стоит почти как летом, и воды во флягах практически не осталось. Еще немного посмотрев на листок, решил:

– Ладно, как стемнеет, мы с тобой еще раз туда ходим, и если все нормально, то все в этот отнорок переберемся.

На том и порешили.

Еще минут через двадцать, когда Леха со Змеем так и не появились, меня стала разбирать тревога. Понятно, что у них самая дальняя точка для наблюдения была, но ведь за это время два раза можно было туда-сюда смотаться.

Я, выплюнув очередную сухую травинку, не выдержал:

– Марат, пойдём глянем, куда эти чувырлы братские запропастились.

Шараф, видно, сам волноваться начал, поэтому, согласно кивнув, тут же встал, закинув автомат на плечо. Мы отошли от места дневки километра на три, прежде чем я увидел пыль на проходящей метрах в ста от нас дороге и услышал работу пулемета. Зар-раза! Как жопой чуял, что наши проглоты во что-то вляпаются.

Встав на колени, выдернул бинокль из футляра. Ну блин, так и есть! По грунтовке, виляя и подпрыгивая, несся мотоцикл, а за ним, отстав метров на восемьсот, пылил бээр. С «ганомага» пытались попасть в верткий байк, но у них пока не получалось. Пылевые фонтанчики вырастали далеко в стороне. За бронетранспортером ехал грузовик и кургузый немецкий джип. Они пытались обогнать бронированный гроб, но крутые обочины пока этого сделать не позволяли. Вся лихая кавалькада довольно быстро приближалась. Подрегулировал резкость. Точно – они! За рулем улепетывающего мотика – Леха с выпученными глазами, а в люльке, вцепившись руками в поручень, торчит Змеюка. Через несколько секунд они проскочили мимо, и я, увидев, что сзади к «цундапу» приторочена связка гранатометов, чуть не взвыл. Вот долбаки! Одна пуля и от пацанов даже очередной «счастливой», постоянно таскаемой Гekom гранаты, не останется, там так все рванет – только ошметки разлетятся. Провожал их взглядом до тех пор, пока мотоцикл не скрылся за поворотом, потом занялся немцами.

«Кубельваген» только сейчас смог обогнать неповоротливый бээр и рвануть вперед. Грузовик так и плелся в конце. Вообще такими темпами у мужиков есть очень хорошие шансы уйти. Отставание у фрицев уже километра в полтора получается. Если только впереди на спешно организованную засаду не нарвутся – наверняка уйдут. Так убеждая себя, следил за немецкой куцей колонной. Потом и она скрылась за деревьями. Стрельбы вроде не слышно, значит, преследователям не по кому стрелять. Я продолжал глядеть в бинокль до тех пор, пока Марат не положил руку на плечо:

– Пойдем Илья. Даст Бог – нормально все будет...

Убирая бинокль в чехол, пробурчал в ответ:

– Я этим сволочам, когда вернутся, всю морду разобью... когда вернутся...

– Конечно, вернутся! И бить их будем вместе!

...Обратно шли в молчании. Славка, видя наши похоронные морды, поинтересовался, что именно произошло. В двух словах рассказал ему, как ребят гоняли. Он только покряхтел, но тоже выразил уверенность в благополучном исходе дела. Блин! Они сговорились, что ли, меня утешать? Вернутся, вернутся... Я это и сам знаю. А если Пучков даст себя ухлопать, его на том свете найду и ноги выдерну!

Когда стемнело, после дополнительной разведки все перебрались в овраг. Вообще ночь выдалась беспокойная. Постоянно гудела техника – видно, гитлеровцы перебрасывали резервы. Правильно – завтра тут танки Павленко должны быть, вот они и суетятся.

А утром, на небольшом густо заросшем кустарником пригорке появились немцы. Они прикатили на легкой «татре» и теперь, выйдя из машины, разглядывали дорогу в бинокль. До картинно стоявших на бугре фрицев было метров триста, поэтому о чем именно базарят между собой два офицера-танкиста, мы не услышали. Ближе подобраться тоже не удалось никак – под холмом остался стоять 251-й полугусеничный БТР, в котором торчали панцергренадеры. Жалко... не будь солдат, мы бы этих рекогносцировщиков могли снять потихому и вдумчиво расспросить, какая именно пакость здесь готовится. Наблюдатели активно обменивались мнениями, попутно разглядывая окрестности, а позже, отметив что-то на карте, запрыгнули в свою машинку и в сопровождении конвоя резво удалились.

Еще через час показались «пантеры». Две «коробочки» проехали сначала мимо, потом развернулись и, порыкивая моторами, выбрасывающими в воздух клубы дыма, начали взбираться на холм. Почти заехали, как вдруг одна из них заглохла. Не скатилась назад только потому, что уже перевалила склон. Экипажи повылазили и, сноровисто подцепив ее тросами,

окончательно выдернули на плоскую вершину. Потом они начали окапываться и срубать наиболее высокие кусты, перекрывающие сектор обстрела. Отрыв первый окоп, немцы опять-таки на тросах затащили туда заглохший панцер и занялись второй ямой. Я пихнул Кубика в бок:

– Вот это и есть засада. Вишь, какие хитрые. Не ПТО сюда воткнули, а танки.

– Ага... Что делать будем? Сейчас, судя по всему, пойдут отступающие части. Гул на той стороне минут двадцать как стих, значит – наши опять прорвались. Фрицы своих пропустят и вдарят по бортам тем, кто следом пойдет. А им и сунуться некуда будет – гляди, как дорога зажата.

М-да, задачка... предупредить наступающие части о засаде может не получиться. Мы как-то сразу не подумали, что сначала немцы драпающие отходить будут. То есть возле дороги не спрячешься. А потом – поздно будет. По открытой местности не побежишь – из пулемета срежут, а если по оврагу и дальше ползком – точно не успеем. Еще раз, глянув на копающих танкистов, решил:

– Смотри, фрицы все из танков повылазили. Двое в движке копаются, и еще двое, вон видишь, в сторонке, за дорогой наблюдают. Остальных хоть и не заметно, но они наверняка роют. Подползаем ближе и валим копателей. Те, кто с биноклями – скорее всего командиры экипажей. Хоть одного надо живым взять. Ну и механика одного тоже не помешает.

– А если у них связь постоянная – с командованием?

– Да нет никакой связи! Они уже доложились, что прибыли на место. Наверняка сказали и про поломку. То есть им и починиться и окопаться надо, так что никто их отвлекать не будет. Тем более одного командира живьем берем – на всякий случай. Будет запрос – он на него и ответит.

Кубик еще раз оглядел холм и, хмыкнув, сказал:

– Тогда чего ждем? Пошли?

– Пошли!

Поставив людям задачу, ползком начали выдвигаться в сторону танков. Мы с Маратом взяли на себя офицеров, стоявших ближе. Остальным достались копатели и механики. Славкины разведчики и Балувев начали обходить холм с востока. Там хоть склон более крут, но кусты погуще будут, можно незаметно подобраться. Тем более, вниз немцы не глядят, и мужики оказываются в «мертвой» зоне. Нам было немного похуже – местность более открытая, но назад фрицы пока не оглядывались. А с чего бы им назад смотреть – там только свои должны быть.

Эх! Жалко рации окончательно сдохли, а подзарядить их на катере мы благополучно забыли, так что действовать придется по старинке. То есть ждем аудиосигнала. В данном случае сигналом будут не три зеленых свистка, а взрывы гранат. Хорошо еще поблизости никого из посторонней немчуры не шляется, вот мы и сумеем порезвиться, не опасаясь лишних гостей. А то, оставь они здесь отделение гренадеров, хрен бы что у нас вышло...

Приблизившись к командирам танков метров на двадцать, замерли, прикинувшись кустиками и взяв их на прицел. Ну а еще минут через пять, когда я уже начал опасаться, что эти два уха сейчас уйдут, глухо захлопали гранаты. Мой фриц подпрыгнул от неожиданности, но сделать ничего не успел, так как получил две пули в ногу и тут же свалился. Хан тоже уложил своего, и мы, вскочив, рванули к упавшим. Выбив пинком пистолет из руки унтер-офицера, подхватил его за шиворот и поволок к танкам.

Там уже все было кончено. И с механиками, кстати, тоже. Один лежал на трансмиссии, а ноги и жопа второго торчали из люка. Во блин! Сказал ведь – живьем эту мазуту брать! Наши орлы накрошили землекопов в четыре гранаты, а водил, наверное с переполоха, до кучи приобщили. Повернувшись к разведчикам, спросил:

– Кубик, я не понял – какого хера? Договорились же?

– Командир, так получилось. Одного осколок, похоже, достал, а второй чуть в люк не нырнул. Пришлось пристрелить. Задрайся он, как его потом оттуда выковыривать?

– Ладно, проехали! А вот мы своих, – я тряхнул кусающего губы унтера за шиворот, – живьем взяли.

Потом, глядя на торчащие из люка ноги, добавил:

– Марат, ты пленных поспрошай, а я пока на трофеи гляну.

Выпустив мундир раненого, отчего он сразу свалился на землю, полез в ближний танк. Вообще это не первая «пантера», которую осматриваю, но первый раз ее нутро не воняет бензином, копотью и жареным мясом. Усевшись на место наводчика – огляделся. Нет, все-таки умеют немцы строить машины так, чтобы людям было удобно. В танке было чисто и комфортно. Да и места побольше, чем в Т-72, про тридцатьчетверки я вообще молчу. Оглядев окрашенное белой краской боевое отделение, занялся орудием.

Угу... стандартная семидесятипятка KwK 42. Судя по командирской башенке и пулемету в шаровой установке – это «пантера» модификации «А». Биноклярного прицела в ней уже не было. Ну дык, понятно – экономия однако. Удешевляют фрицы технику, насколько это возможно... А в остальном от однотипных «коробочек», что видел прежде, отличий было мало. Оглядел боеукладку. Снаряды – подкалиберные и бронебойные. Фугасных буквально несколько штук. Ну само собой – «Тип 5» и заточен в основном для борьбы с бронетехникой противника.

Еще немного покрутившись в танке, пошел глянуть, как дела с пленными. Как выяснилось, «мой» унтер упорствовал в отрицании. То есть сотрудничать не хотел ни в какую. Шараф тербил ему раненую ногу, но фриц только орал и плевался, периодически теряя сознание. А ведь от них и требовалось малость – ответить по рации, если вызов пойдет. И чего так брыкаться? Второй «язык» вроде похлипче будет... Вот его и оставим, а упертого – в расход.

Подойдя к почти сомлевшему второму немцу, мрачно посмотрел на него и достал нож. Танкист выкатил глаза и отталкиваясь ногами от земли, попробовал отползти подальше. Нет уж, дружок! Нам ты нужен послушный и более-менее целый. Поэтому развернулся и, подтащив плюющего скандалиста ближе, перерезал ему горло, стараясь, чтобы кровь забрызгала готового сдать офицера. Он в общем-то сразу и сдался. Размазывая кровь и слезы с морды, выразил готовность делать все, что от него потребуют русские. Вот и умница! Оставив Марата с пленным, решил провести среди остальных мужиков краткий ликбез по пользованию:

– «PzKpfw V Ausf A», он же «SdKfz 171», он же «пантера» обыкновенная.

Ребята, пока я выговаривал эти названия, смотрели на меня, вытаращив глаза.

– Чего пялитесь? Я сам чуть язык не сломал!

Бритый наголо здоровяк, откликающийся на кличку ЧТЗ, удивленно спросил:

– А зачем нам надо знать, как им пользоваться?

– Затем, что вот-вот появятся отступающие фрицы, и мы им с такой отличной позиции вдуем по самое «не могу». Они и пукнуть в ответ не сумеют. Можно, конечно, отсидеться в овраге, но нет гарантии, что сюда обеспокоенные молчанием не нагрянут проверяющие. Тогда вся наша суета с уничтожением засады становится бессмысленной. А если мы все равно здесь останемся, так почему бы не пострелять по драпающей немчуре? Как смотрите, чтобы врезать гитлеровцам?

Ребята после этого разъяснения смотрели сугубо положительно и с усердием начали вникать в мои инструкции. Минут через двадцать пошел вызов по рации. Запуганный и проинструктированный пленный все сказал как надо. Выслушав его доклад, ответили, что через десять минут пойдут отступающие войска, у которых буквально на плечах висят русские танки. В его задачу входило – танки отсечь и после этого выдвигаться в заданный квадрат на соединение с остальными. Танкист ответил:

– Яволь!

И отключился, после чего опустив плечи и сгорбившись, стал ожидать своей участи. Но этого фрица кончать не стали, а, плотно упаковав, забросили под чахлое деревце, растущее за танками. А потом все и началось...

Колонна горела хорошо. Плотнo закупоренные машины не могли свернуть никуда и бес- толково тыкались взад и вперед. Это те, которых еще водители не покинули.

В основном технику бросали и шустро сваливали по дороге, вдоль деревьев. Что харак- терно, после первой отбитой атаки к нам больше никто не лез, поэтому, оторвав Шаха от пуле- мета, послал его наружу наблюдать, чтобы сзади никто не подошел.

А чуть позже появилась первая тридцатьчетверка. Высунувшись из-за деревьев, она сразу нырнула назад. Похоже, наша мазута охренела от увиденного. Сейчас они будут лихорадочно соображать, кто же так немцев накрошил. Пешую разведку вышлют, чтобы оглядеться и про- яснить ситуацию.

Хе! Какой я умный! Разглядев в прицел фигурки в знакомой форме, осторожно идущие вдоль колонны, довольно ухмыльнулся. Теперь самое главное, чтобы нас не заметили. А то как начнут долбить из танков – мало не покажется. Но замаскированы мы хорошо, и если сами себя не выдадим, засечь не должны.

В это время человек пятнадцать наших пехотинцев, перебравшись через овраг, приги- баясь, порысили к высоте, на которой стояли еще не замеченные «пантеры». Нажав клавишу тангенты, скомандовал:

– Все, мужики, отвоевали! К машине!

И полез из танка наружу. Ребята тоже попрыгали с брони и теперь поглядывали на при- ближающихся солдат. Дождавшись, когда «кирза» из танкового десанта подойдет метров на пятьдесят, свистнул им:

– Эй, славяне! Здесь армейская разведка! Это мы колонну расхерачили, так что не боись, подходи!

Но бойцы при первых звуках голоса попадали кто куда мог, хорошо еще стрелять не начали. Пришлось выходить из кустов на край кургана и уже оттуда продолжать:

– Ну и фигли вы разлеглись? Долго там валяться собираетесь? Давай сюда!

Разглядев на фоне растительности пятнистую фигуру, солдаты, не опуская оружия, нако- нец поднялись и направились ко мне. Первым на склон легко взбежал белобрысый парень, подпоясанный офицерским ремнем. Не отводя от меня ствол автомата, отрывисто спросил:

– Кто такие?

– Сержант, я тебе русским языком сказал – армейская разведка! Так что выделяй нам сопровождающего и не парь мозги.

Но пареньек уже отвлекся, увидев за кустами танки и накрошенных фрицев. С удивлением оглядев открывшуюся картину, он уважительно спросил:

– Это все вы?

– Мы, мы... так что насчет сопровождающих?

Сержант встряхнулся и приказал подошедшим солдатам:

– Зуев, Маслевич, отведете разведчиков к Филиппову и мухой назад!

Я оглянулся на своих – разобрав вещмешки, они ожидающе смотрели на меня. Поэтому еще раз бросив взгляд на трофейные танки, махнул рукой:

– Пошли ребята!

И уже повернувшись идти за провожатыми, вдруг вспомнил:

– Сержант, там, за танками пленный валяется. В ногу ранен. Время будет – ты его сан- инструктору передай.

Белобрысый командир кивнул, и мы легкой трусцой двинули на встречу с неизвестным мне Филипповым.

Глава 7

Находясь полностью в подавленном состоянии, остатки моей группы катили на «газике» к предполагаемому месту нахождения штаба армии. Почему говорю к предполагаемому, потому что вся армада фронта сдвинулась с места, увлекая за собой тыловые и управленческие подразделения, и теперь кого-либо найти было достаточно проблематично. Тем более что после проверки особисты двадцать четвертой бригады рассказали нам, как идут дела.

Бои за Одессу еще продолжаются, но это очаговые сопротивления, а сам город уже в тылу. На юге войска вышли к Днестру и в нескольких местах с ходу его форсировали. Свежеиспеченный Роммелевский корпус, который после реформирования разросся просто до неприличных размеров, был здорово пощипан во встречных боях частями Четвертой танковой армии, которую после получения наших сведений успели перебросить под Крамгино. Дав по сопатке дернувшимся с фланга пустынным хорькам, советские танкисты железным катком покатали дальше. Причем все наступали так резво, что расстояние между командующими армиями и их подразделениями стало непозволительно большим. Так что штабные теперь срочно подтягиваются за передовыми частями и тоже находятся в движении.

В общем, на фронте все нормально, а у меня лично нет. Лешка с Козыревым так и не нашлись. Причем за эти два дня, что мы вкушали гостеприимство осатаневших от неимоверного количества пленных полицаев, мельниковцев и прочей швали, особистов, ничего нового о ребятах слышно не было. СМЕРШевцы даже со своими коллегами на других участках связывались, но все впустую. Правда, связываться они начали только тогда, когда поняли, что мы все-таки свои. А до этого даже побить хотели два раза. Ну как сказать, хотели... побили... До сих пор ухо, как вареник, и наливаются сочный фингал под глазом. Потом, конечно, извинились, но вот однокость фейса сойдет только через неделю. А все за борзость мою и общую наглость... Ну да ладно, бывает.

Оно ведь как вышло – комбат Филиппов нас встретил очень хорошо, особенно когда про захваченные танки узнал. Тут ему особых доказательств не надо было. Вот разбитая колонна, вон захваченные «пантеры». Долго тряс всем руки, а потом расщедрился и дал «Уль-ЗиС-43» с водителем – для дальнейшего движения. Правда, он такой добрый стал, потому что всех десантников пересадил на трофейные «бюссинги». Их в колонне довольно много уцелело. Комбат тогда еще плотоядно оглядел грузовики и, недолго думая, наложил на них свою волосатую лапу. Ну а «ЗиС» нам достался, в виде отката. Правда, не насовсем. Типа попользуетесь – вернете.

В общем, загрузилась моя компания на этот бывший «додж» и покатила в тыл. Только уехали недалеко. Километров через пятнадцать нас так густо обстреляли, что ранили водителя и раздолбали машину. Мы, крутые псы войны, попробовали возмутиться и огрызнуться, но вынуждены были, захватив бессознательного водителя, драпать. Еще бы – там не меньше полуроты фрицев прорывалось. Хорошо, немцы следом не погнались, а двинули дальше – на запад. Потом встретили артиллеристов и отдали им раненого.

А после обеда нас взяли в плен бабы. Это мы нарвались на гнездо девчонок-зенитчиц под предводительством пожилого, но бодрого капитана. Откуда они тут взялись, не представляю. Обычно такие женские подразделения находятся в тылу, километрах в сорока-пятидесяти от линии фронта. Да и осталось их очень мало. Особенно после приказа главкома о переводе этой сисястой братии в тыловые подразделения, типа регулировщиц да связисток. Так что нам, наверное, просто повезло. Хотя это все Кубик виноват. Разглядев в бинокль аппетитные фигурки, тут же воспылал и попер, как лось. Еще и порывкивал от восторга...

Девки сначала переполошились, а потом как-то очень лихо развернули свои 25 мм скорострелки так, что мы и рта раскрыть не успели, как попали под прицел. Решить дело миром

не вышло. На шутки и прибаутки барышни не велись. А когда они нас повязали, Славка выразил предположение, что у них всех повальные месячные, потому что очень сильно стянутые руки потеряли чувствительность уже через пять минут. Хорошо, капитан вмешался и нас связал по новой. С этим мужиком тоже договориться не получилось. Оказывается, сегодня утром на них наскочили пытающиеся сбежать предатели. Тоже по-русски разговаривали. И только высокая выучка и бдительность зенитчиц спасла девчонок от смерти.

– Так что, мужики, вы не обижайтесь. Если действительно свои, то разберутся и отпустят. Если нет, то тоже разберутся...

С этими словами капитан при помощи своего войска загрузил нас в полуторку и под конвоем отправил к особистам. Ну а те – порезвились слегка...

Пощупав ухо, вздохнул и огляделся. «ХБВ» резво прыгал по проселку, обходя идущие навстречу войска. Нескончаемой чередой шли «студебеккеры», «газы», да и пешей «царицы полей» тоже хватало. Рядом, по обочине двигались танки. М-да... Приятно посмотреть на эту машину. И солдаты идут хоть и уставшие, но зато глаза блестят. Это не как в сорок первом. Тогда брели уныло, не поднимая взгляда от обмоток впереди идущего, и вера в победу таяла с каждым шагом на восток. Зато сейчас бойцы любого порвут и хрен их кто остановит!

До штаба армии, по словам водителя, осталось километров десять, когда пара «фокевульфов», зайдя от солнца, попробовали атаковать колонну. Первый их заход все благополучно прощелкали, и только когда по сторонам дороги рванули бомбы, раздался крик:

– Воздух!

Люди порскнули в кюветы, приготовившись встретить самолеты ружейно-пулеметным огнем. Шедшие здесь же зенитчики прикрытия в несколько секунд поставили стволы торчком и тоже крутили головами, выискивая шальных фрицев. Только те были явно не дураки. Сбросив по бомбе, «фоккеры» не рискнули дальше штурмовать и скрылись в облаках. Тоже, выходит, ученые. Знают, что ребята уже наготове и плотность огня будет такая, что самолеты еще раз пройти над дорогой не успеют – их просто собьют.

Вот, кстати, интересная штука. Эти орлы Геринга – знающие и умелые бойцы. Но как русские летчики, выполнять приказ практически с нулевым шансом вернуться – не могут. Есть, конечно, отморозки, которым на все плевать, но их в люфтваффе слишком мало. Я, во всяком случае, только два раза таких видел. Оба раза «лаптежники» до последнего бомбили переправу. В первом случае удачно и даже уйти смогли, а во втором наши их всех положили. Так что советские солдаты только силой духа могут задавить все это европейское отребье. Ну и хорошим оружием, конечно.

С удовольствием посмотрев на торчащий из башенки проезжающей СЗУ ствол КПВ, даже зажмурился. В мое время этот «крупняк» только после войны появился.

А здесь он уже месяца два как в войска пошел. И в городских боях Владимирский пулемет лучше иной пушки будет.

А «Газ-63» взять? Его разработка, оказывается, еще в тридцать седьмом началась, но в связи с войной слегка тормознулась. Зато сейчас эти полноприводные грузовики все больше и больше вытесняли допотопные полуторки. И проходимость у новых горьковских двухтонок была такая, что очень часто их использовали как тягачи для завязших «студебеккеров». Правда, на этих машинах, в отличие от современных мне «газонов», крылья были не закругленные, а прямые, и вообще кабина формой очень напоминала кабину «студера». Да и других новинок, постоянно идущих на фронт, тоже хватало. Так что бойтесь, фрицы, и, как говорил любимый мною Высоцкий, – «вы лучше лес рубите на гробы»!

Проскочив поворот с указателем, на котором черной краской было намалевано – «Хозяйство Лазарева», мы выехали к большой деревне. Оп-па! Похоже, попали куда надо! Во всяком случае знакомую рыжую морду адъютанта командарма признал сразу. Он стоял на крыльце,

курул и давал ЦУ старшине из комендантского взвода. Чтобы не торчать долго на КПП, я оглушительно свистнул и заорал:

– Вовка, твою маман, принимай гостей!

Козельский закрутил башкой и, увидев меня, разулыбался. Махнув рукой, давая команду пропустить, он сошел с крыльца и, дождавшись, пока мыковыпрыгиваем с «газона», поздоровался. Поручкавшись с адъютантом, спросил:

– Вовчик, а где наши? Мне сказали, что они у вас будут дислоцироваться.

– Еще не подъехали, часа через два будут. А вы, я смотрю, опять за передок бегали? Как сходили?

– Херово... Вовка, ты пока связистов напруги, пусть всем сообщат, что если появятся двое из группы Колдуна, немедленно их сюда. Или хоть радио дадут, а то я дергаюсь.

– Понял, сделаем. А вам сейчас обед организуем.

– Угу, спасибо!

Сказав мужикам, чтобы они шли обедать, сам двинул представляться командарму – генерал-лейтенанту Малышеву. Он хоть и не был моим командиром, вот только вежливость, по мере возможности, я старался соблюдать.

Генерал был занят, но для человека из группы Колычева время нашел. Даже чаем напоил. Узнав, что двух человек мы потеряли, пообещал помочь в поиске:

– Как Иван Петрович приедет, он по своим каналам всех поднимет, ну а сейчас я тоже дам распоряжение.

– Спасибо, товарищ генерал-лейтенант! Разрешите идти?

– Да, конечно, отдыхайте.

Уже выходя из дома, был чуть не сбит с ног каким-то мелким пузаном в лампасах и генеральских погонах. Он, врезавшись в меня, отскочил и завопил:

– Что? Кто такой?

Причем фраза была гораздо длиннее, но состояла сплошняком из матов. Этот пончик, несмотря на смутную узнаваемость, мне не понравился, поэтому, чтобы долго не полоскать мозги, просто встал по стойке смирно и рявкнул:

– Виноват, тащ генерал!

Обычно этого вполне хватало. Ну подумаешь – столкнулись в дверях. Причем это он на меня налетел... Но толстый не угомонялся. Не обращая внимания на вышедшего Малышева, он продолжал материться, иногда вставляя в мудрено закрученные конструкции обычные слова. Из речи было понятно, что я пьян, морда разбита именно в пьяной драке и вообще меня надо арестовать. Стоявшие рядом прихлебатели из свиты приехавшего скандалиста выразили немедленную готовность к действиям. Лощеный подполковник решил первым проявить инициативу. Шагнул вперед, напористо рявкнул:

– Сдать оружие! Вы арестованы!

А на меня вдруг накатило... И так весь на нервах, тут еще этот козел прилизанный. Быстро достав из разгрузки гранату, со словами «Да без проблем!» – сунул чугунный кругляш в руки толстому генералу. Тот машинально взял, а я, выдернув кольцо, секунду подержал его перед расширившимися глазами пухлика и кинул колечко за спину. Тут сразу стало очень тихо. Было видно, что «лимонка» без предохранителя моментально начала доставлять массу неудобств жирному хаму. Того даже пот прошиб. Он только и смог выразить свое неудовольствие неуверенным:

– Э-э-э...

Генерал затравленно огляделся, но выкинуть опасный подарок было некуда. Свита рада была помочь, только вот не знала как. Прилизанный подпол стоял соляным столбом и вроде даже не дышал.

Да уж... видно, давно наши штабные метаниями гранат не занимались... Ребята из охраны, которые могли бы правильно среагировать, все остались на улице, а этих лизоблюдов, похоже, заклинило намертво. Лысый застыл, не сводя глаз с кулака – того и гляди, уронит подарочек. Правда он не знал, что там запала нет. Я после случая с мельниковцами всегда держу одну гранату с обломанным взрывателем. Мало ли как жизнь повернется, а несколько секунд ступора у врага могут очень помочь в нашем нелегком деле. Так что сейчас толстяк зажимал в потном кулачке чистую «липу».

Затянувшееся молчание нарушил Малышев. Делая вид, что не замечает смятенного состояния приехавшего, он доложил:

– Товарищ член военного совета, это – Илья Иванович Лисов, человек из особой группы Колычева и личный порученец Верховного главнокомандующего.

Не заметно, чтобы от этих слов держателю гранаты стало легче. Трястись он не перестал, только глаза еще больше выпучил. Командарм, глядя на члена, со словами «Разрешите помочь» – осторожно протянул руку, чтобы забрать «феньку». Тут уж я вмешался:

– Это – мое. Сам заберу.

И обращаясь к толстому, сказал:

– Отдай... отдай, кому говорят!

Отдать кругляш мне были рады, но не могли. Поэтому пришлось, отгибая генералу пальцы, постепенно выцарапать «лимонку» себе. Глянув на выдохнувших людей, злобно ухмыльнулся и разжал кулак. Предохранительный рычаг, весело дзынькнув, отлетел в сторону, тихо хлопнул боек, а народ упал на пол с такой скоростью, как будто у них ноги подрубили. К чести Малышева, надо заметить, что залегать он не стал, а только побледнел. Секунд через десять генерал-лейтенант выдохнул и от души ругнулся:

– Придурок вы, Илья Иванович! Разве можно так?

– А как еще с такими общаться? И кстати – кто это?

Демонстративно не обращая внимания на поднимающихся и злобно зыркающих на меня людей, обращался только к командарму.

– Это – член военного совета Никита Сергеевич Хрущев. Две недели назад прибыл на замещение Кобзева.

Ну вот и свиделись... то-то мне этот толстячок таким знакомым показался. Хрущев, поднявшись с пола, утирался платочком и пытался что-то сказать. Несколько раз открыв рот вхолостую, он прокашлялся и, пустив петуха, выдал:

– Много о вас слышал, товарищ Лисов! Товарищ Сталин о вас очень высоко отзывался. Рад знакомству. Но как вы нас заставили здесь поползать! Всех встряхнули!

И громко заржал. Свита подхватила... Во дает! Пожав протянутую мне мягкую влажную ладонь, я в полном обалдении огляделся. Ржут... все ржут... только Малышев серьезен. А эти... Я бы так не смог. В подобной ситуации всем бы люлей навставлял, пока от шока не отошел. А эти – щерятся. Командарм, глядя на почти ненатуральное веселье, только желваки на щеках катнул. Видно, тоже человеку неудобно. Если бы Хрущев мне в ухо засветил после всего, и то было бы понятней. Но вот ТАК?! Делать вид, как будто это была просто веселая шутка?! Наверное, таким макаром люди и попадают в большую политику... Запинав у себя внутри все человеческое, повесить на морду угодливую улыбку и, как червяк к центру яблока, прогрызаться к цели. Зато как прогрызутся, тогда держись! Всем все вспомнят. Мне даже не по себе стало – а ведь Хрущ вспомнит! Такое не забывается...

Наскоро козырнув ЧВСной компании, вышел во двор. Тряхнув головой, оглянулся на дверь. Не-е-ет, Никита Сергеевич, не быть вам генсеком. У меня еще чувство самосохранения не до конца атрофировалось. Зачем, спрашивается, мне такой геморрой лет через двенадцать нужен, или когда он там на трон взойдет? Так что надо действовать сейчас и быстро. Главкому на него стучать, как Никитка после смерти Лучшего Друга Советских Авиаторов

будет развенчивать культ личности, дело, конечно, хорошее, но вдруг что-то пойдет не так и Хрущев все равно вывернется? Такие дела на авось оставлять нельзя...

Пройдя мимо двух «виллисов» и броневишка охраны, которые прибыли вместе с этим непутевым жиробасом, пошел, ориентируясь по запаху, в сторону столовой.

А попутно срисовал трофейный «хорьх», на котором прикатил будущий генсек. Это хорошо, что именно «хорьх» – «АВС-36» его прошьет, как мягкую булочку. Валишь «кукурузника» именно из «АВС» мне пришло в голову, потому что немцы в самом начале войны захватили немерено этих винтовок и до сих пор активно ими пользуются. Симоновский винтарь у меня в заначке есть, так что, пока приедет Колычев и остальная команда со всем нашим барахлом, надо обдумать, где и как устраивать засаду.

В принципе даже место всплыло. За указателем «Хозяйство Лазарева» была замечательная рощица. Вот оттуда и можно сработать. Засесть в густом кустарнике и, пропустив охрану, раздолбать легковушку сзади.

М-да, чего-то в этих рассуждениях не хватает... Я, сдвинув пилотку, почесал затылок. А не хватает как минимум трупа террориста, убившего «верного ленинца и пламенного борца за дело коммунистической партии». Охрана ведь, невзирая на общую мудаковатость шефа, ни в коем случае не будет клювом щелкать. Так что, если их чем-нибудь не отвлечь, загонят меня, как мамонта. Отвлечь же можно только телом покушавшегося. Значит, надо искать подходящего пленного и заниматься гнусными подставами. Мысль про то, чтобы взять нужного человека из ближайшего полевого лагеря военнопленных, отмел сразу. Следствие после убийства такого чина будет обязательно, и неизвестно, чего они нарыть смогут. Зачем лишний раз зацепку давать? Не-е-ет... Надо выдергивать пленного из пешей колонны и подальше отсюда. Хрущ в штабе армии до утра останется, так что время еще будет. Тогда выходит следующее – добыть пленного, под утро приволочь туда и ждать «члена» с эскортом. Потом десятью патронами решетить «хорьх», и когда начнется стрельба – валишь немца из «ТТ» (благо патроны в этом пистолете и «ППСах» охраны одинаковые). После всего оставляю на АВС пальчики трупа и очень быстро сваливаю.

Вчерне вроде нормально получается. Надо только прикинуть детали, вроде тех, что надо вязать пленного полотенцем, дабы следов не оставалось, и как действовать, если нас там случайные люди засекут. Да, обязательно гильзы от «ТТ» сразу ловить, а то потом ищи их в траве! Хотя если они отстреляют пули из автоматов и сравнят их с извлеченными из тела, может получиться очень нехорошо... А ведь так, скорее всего, и будет. М-м-м... что же делать?

Блин! Зачем мне вообще этот немецкий труп сдался и что я на нем заиклился? И без этих заморочек можно попробовать управиться, только вот убежать оттуда надо будет очень быстро. А ведь самое главное, что я в своих рассуждениях упускаю замыкающую машину сопровождения. Дадут они мне расстрелять «хорьх», как в тире. Щаз! Буквально три выстрела и по моей позиции уже начнут работать несколько автоматов с пулеметами. А тремя патронами ухлопать Хрущева наверняка – не получится. Он же в закрытой кабине сидит... В связи с этим опять в полный рост встает вопрос о сообщнике и увеличении огневой мощи.

Тут на меня неожиданно налетел Марат:

– Илья, ты куда пропал? Мы уже узнали, где располагаться будем. Вон те четыре хаты возле речки – наши. Пойдем, там хозяйка картошечку жарит, как ты любишь...

А потом, сбавив напор, заглянул в глаза:

– Ничего о ребятах не слышно?

Я только головой покачал. Шароф, выдохнув сквозь сжатые зубы, ожесточенно поскреб щеку.

– Ты, главное, не переживай так. Сейчас полковник приедет, всех на уши поставит. Мы тот район по травинке прочешем и, пока пацанов не найдем, не успокоимся.

Глядя на Марата, согласно кивал. Но думал о другом. Сама собой вдруг всплыла мысль, что и к этому недоделанному Никитке прицепился, только чтобы отвлечься от думок о Пучкове. Ведь на полном серьезе обдумывал убийство, лишь бы ушла та картинка, где по Лехиным открытым глазам муравьи ползают...

Встряхнув головой, закурил и пошел подталкиваемый Ханом в сторону нового расположения спецгруппы ставки. Еда в горло не лезла, поэтому, поковыряв в тарелке, вышел на улицу и молча смолил одну папиросу за другой, сидя на завалинке. Про Гека не думать не получалось. Вот ведь даже в таком щекотливом деле, как убийство члена военного совета, он бы меня поддержал без вопросов. Сереге, тому вряд ли получилось бы объяснить, с чего это советскому человеку приспичило валить члена Политбюро. А если бы и убедил – время уже упустили. Лехе же только намекни, что обожаемому командиру помощь нужна... Ему поровну – языков брать, украденный грузовик с тушенкой в госпиталь перегонять или ЧВСа стрелять – лишь бы со мной. И ведь безбашенным этого парня не назовешь, просто относится ко мне как к старшему брату – сильному, умному и являющемуся для него высшим авторитетом. Ну и я к нему соответственно отношусь – как к младшему. Эхе-хе...

Через час в село втянулась наша колонна. Иван Петрович, выслушав мой доклад, вздохнул, выгнал всех из комнаты и набулькал стакан спирта:

– Пей.

– Не хочу...

– Пей, это приказ! Ты думаешь, я не понимаю, каково тебе? Так что пей. А завтра с утра с Гусевым и остальными бойцами поедете в тот квадрат выяснять судьбу наших разведчиков. Сутки вам даю. И два взвода солдат, из запасного полка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.